

Казнь без злого умысла

Автор:

Александра Маринина

Казнь без злого умысла

Александра Маринина

Каменская #32

Анастасия Каменская и ее бывший коллега Юрий Коротков приехали в далекий сибирский город Вербицк. Настин брат собирается построить здесь дорогой пансионат и попросил их найти подходящее место.

Однако властям Вербицка не до московских инвесторов. В самый разгар предвыборной гонки по городу прокатилась волна таинственных убийств экологов. Люди во всем винят чиновников. Уж больно рьяно мэр и его друзья отстаивают звероферму, притаившуюся в глухом таежном лесу. А ведь говорят, что именно она – ферма – вредит местной экологии. Разумеется, это дело увлекло Каменскую намного сильнее, чем поиски какого-то там участка...

Александра Маринина

Казнь без злого умысла

Иллюстрация на обложке И. Хивренко

© Алексеева М.А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Пролог

Сумка с взятыми в библиотеке книгами была невероятно тяжелой, но Нина Ляшенко радовалась этой тяжести: муж оправился после инсульта, завтра он едет в санаторий восстанавливаться, попросил принести книг побольше, значит, снова почувствовал вкус к жизни. Все, что дома было, перечитано уже по многу раз. Нина свободной рукой набрала код, толкнула дверь подъезда, мысленно чертыхнулась в адрес тех, кто в очередной раз то ли разбил, то ли вывернул лампочку, на ощупь вставила ключик в замок почтового ящика, едва поймала вываливающиеся местные газеты, рекламные листки, конверты с письмами, сунула всю кипу бумаг под мышку и порадовалась, что подниматься невысоко – всего на второй этаж. Когда-то, когда они с мужем только-только получили эту квартиру от предприятия, Нина расстраивалась: шумно, тротуар узкий, машины чуть ли не по голове у жильцов ездят, а они привыкли спать с открытыми окнами. Теперь радуется: муж еще плохо ходит, но со второго этажа спуститься ему вполне по силам и домой подняться тоже, а вот с третьего и выше – пожалуй, не сумел бы. Дом-то без лифта. Да и сумки тяжелые с возрастом носить становилось не легче. А так все-таки второй этаж...

Войдя в квартиру, Нина скинула короткие сапожки и прямо в пальто направилась в комнату, к мужу, проверить, все ли в порядке. Слава богу, ничего не случилось, муж сидел в кресле и смотрел телевизор. Вот теперь можно перевести дух и раздеться. После инсульта прошел почти год, а Нина так и не избавилась от страха прийти домой с работы и обнаружить мужа лежащим на полу. Как тогда...

– Вот книги. – Она поставила сумку рядом с креслом. – Вот почта. Опять рекламы накидали, деваться от нее некуда. Хотела прямо в подъезде бросить, у нас там теперь специальная коробочка стоит, ты видел. Но там конверты какие-то – счета, наверное, или из пенсионного фонда... Лампочку опять разбили, темно, ничего не видно. Я побоялась вместе с этой макулатурой что-нибудь нужное случайно выбросить. Ты сам разбери, ладно? А я пойду ужин готовить.

– Конечно, Ниночка, – кивнул муж. – Счета я сам... Счета – это дело серьезное.

Нина удовлетворенно улыбнулась. Конечно, левые рука и нога слушаются пока еще совсем плохо, но все равно прогресс налицо. Не сравнить с тем, что было. А конверты можно и одной рукой вскрывать, муж натренировался.

Через полчаса ужин был готов, Нина внесла в комнату поднос и принялась накрывать на стол.

- Ну что там? - спросила она. - Счета? Много накапало?

- Как обычно. Телефон, квитанции за квартиру. Я думал, квартплату поднимут, вроде грозились, я по телевизору слышал. Но нет, пока все то же самое. Молодец наш мэр, обещания свои держит, настоящий мужик. А одно письмо вообще не нам, по ошибке в наш ящик кинули. И кто там у них на почтах этих работает? Не понимаю! Ясно же написано на конверте: Северная, дом шестнадцать, квартира пять. А у нас дом восемнадцать. Куда они смотрят? Нинуля, ты завтра по дороге на работу занеси в соседний дом письмо, ладно? Брось в ящик. А то нехорошо, человек, может, ждет...

- Как же я войду? - возразила она. - Там ведь кодовый замок, как у всех, а цифр я не знаю. Это надо или кого-то из жильцов караулить, или на почту нести.

Муж неожиданно смутился.

- Нет, на почту не надо... И жильцам тоже... Я же на адрес не сразу посмотрел, конверт вскрыл... неаккуратно... Прочитал. Ничего не понял, засомневался, вот тогда и на конверт повнимательнее взглянул. Вижу - улица правильно указана, квартира тоже пятая, как у нас, а дом не наш, соседний. Но конверт... Нинуля, стыдно людям показывать.

- Но ведь тот человек, которому письмо адресовано, все равно увидит рваный конверт и поймет, что письмо читали, - рассудительно заметила Нина. - Чего уж тут стесняться... А там что, что-то очень личное? Любовное?

- Да нет, там по делу... Что-то про экологию. Ничего личного.

- Про экологию? - Она насторожилась.

А ведь тот мужчина, которого недавно убили, был как раз из соседнего дома. Уж не ему ли письмо? Как же его звали-то? Никто ничего о нем, в сущности, не знал, говорили – нелюдимый был, с соседями не общался, даже фамилии его назвать не смогли. Но в газете местной много писали об этом убийстве, там и фамилия была. Господи, да как же...

Она нетерпеливо схватила грубо разорванный конверт, прижала пальцами обрывки, прочитала имя адресата. Ну точно, Семушкин. Все правильно. Именно про него писали в газетах. Нина бесцеремонно достала письмо и принялась читать:

«Не могу с тобой связаться, телефон не отвечает, а письма с электронки возвращаются с пометкой, что твоя почта не работает. Я закончил свою часть отчета, теперь экологическая картина вырисовывается полностью, это убойный материал, они все пойдут под суд, можешь мне поверить. Срочно объявись в лаборатории. Ты куда-то уехал, что ли? Дверь не открываешь, телефон не берешь, пришлось письмо посылать, как в доисторические времена. Не тяни, вопрос срочный».

– Вот, значит, как, – протянула негромко Нина, присаживаясь на краешек дивана. – Это не на почту надо идти, а в полицию.

– Почему в полицию? – испугался муж. – Я же не нарочно... Так получилось. Случайно.

– Это письмо Семушкину. Тому, которого убили. Судя по письму, он занимался экологией. Ты понимаешь, что это значит?

– Ох ты, господи! – выдохнул муж. – Ничего себе... Думаешь, это опять?..

Понедельник

Из кухни, отделенной от просторной гостиной раздвижной дверью, донесся звон – там что-то разбили. Похоже, тарелку. Анастасия Каменская бросила быстрый взгляд сначала на брата, потом на Короткова: это ведь их жены там, на кухне, и

именно они что-то расколотили. Коротков едва заметно дернулся, а брат Саша и бровью не повел, знал, что его любимая жена бьет посуду так же отменно, как и готовит. Привык.

- Сань, там девушки что-то разбили, - осторожно заметила Настя.

- Разбили, - невозмутимо отозвался Александр. - Но это никак не меняет постановку вопроса. Я специально вас собрал, чтобы можно было все обсудить, все порешать и не играть в испорченный телефон. Стасов, ты что скажешь?

Владислав Николаевич Стасов, Настин давний друг, а в последние годы - еще и начальник, только пожал могучими плечами.

- Я не возражаю. Какая мне разница, где будет работать мой сотрудник? Договорчик заключим с твоим банком, а хочешь - с тобой лично, как с частным лицом, пропишем в нем, что командировочные и накладные расходы за твой счет, никаких проблем. То есть у меня - как у начальника твоей обожаемой сестры - нет ни одной причины ее не отпускать в этот твой, как его...

- Вербицк, - пряча улыбку, подсказал Каменский.

Настя метнула в шефа испепеляющий взгляд. Ну почему Владик так легко ее отпускает?! Можно подумать, она спит и видит, как бы ей съездить «на халяву» в этот Вербицк, к черту на кулички, куда-то в Перовскую область, в Западную Сибирь. И главное, совершенно непонятно, что она там будет делать. Юрка Коротков - вопросов нет, он и так у Саши Каменского работает директором пансионата в Подмосковье, уж кому, как не ему, знать, какие нужны условия для строительства и организации такой же базы отдыха. У Сашкиного банка открылось за последние годы множество филиалов по всей Сибири, и Каменский решил построить еще, по крайней мере, один пансионат, где смогут с комфортом и удовольствием проводить отпуска, праздники и выходные дни сотрудники этих филиалов. Тут все понятно. Но она-то, Настя, здесь каким боком? Чем она будет там заниматься? У нее от одного только слова «коммуникации» судороги делаются!

Она умоляюще посмотрела на мужа: может, хотя бы Чистяков ее защитит? Вот пусть бы он сейчас прекратил молчать и высказался в том духе, что, дескать, он против... Хотя почему он должен быть против? После стольких лет совместной

жизни как-то смешно прозвучат слова «не хочу расставаться надолго» или «буду скучать», и еще более нелепым выглядело бы его заявление о том, что он, дескать, не может жить один и с хозяйством не справится. Уж кто-кто, а Чистяков справится получше иной хозяйки. Можно, конечно, выкатить так называемую ревность, сославшись на то, что жена, мол, в дальний путь... да с чужим мужиком... да неизвестно, чем они там будут заниматься... Нет, не пройдет. Юрку Короткова Настя знает тридцать лет, и столько же лет его прекрасно знает Чистяков. Не прокатит... Господи, как же ехать-то не хочется!

- Хорошо, - обреченно вздохнула Настя. - И что я там должна буду делать?

Александр собрался было ответить, но его внимание привлекли какие-то новые звуки из-за двери, разделяющей гостиную и кухню. Настя насторожилась: похоже, кто-то плакал.

- Дамы! - во весь голос заорал хозяин дома. - Что там у вас стряслось?

Отодвинулась створка раздвижной двери, из кухни выглянула Ирина, жена Короткова, яркая пышнотелая красавица.

- Саша, там Дашка разбила твою любимую чашку и рыдает. Говорит, что ты ее сам выбирал в какой-то поездке в какой-то памятный вам обоим день, и эта чашка для тебя что-то вроде талисмана, и ты без нее жить не можешь, и что Дашку ты просто убьешь. Убьешь, что ли? Правда? - Ирина весело подмигнула Каменскому и подбежала к мужу, чтобы чмокнуть его в темечко.

Коротков не удержался и с видимым удовольствием схватил жену за ягодицы. Жест был грубоватым и весьма «мужицким», но в нем было столько тепла, нежности и нескрываемого мужского интереса, что все невольно улыбнулись.

- Саша, ты когда моего благоверного из Москвы отошлешь? - спросила Ирина. - А то мне через две недели на съемки в Минск ехать, надо Анечку к кому-то приладить.

- А вот прямо завтра и отошлю, - пообещал Александр.

- И надолго? Он успеет вернуться до моего отъезда?

– Вот уж не знаю, – развел руками банкир, – это как пойдет. Может, они за три дня справятся, а может, и месяц просидят в сибирской ссылке.

– Понятно, – вздохнула Ирина. – Тогда буду на всякий случай договариваться. Слава богу, у нас няня вменяемая. Только заплатить придется побольше за то, чтобы она у нас жила постоянно.

– Об этом не волнуйся, – тут же откликнулся Каменский, – все расходы я возьму. А хочешь – привози няню с девочкой сюда, пусть на свежем воздухе поживут. Места много, никто никому не мешает. Конечно, Подмосковье – это не Альпы, но, в любом случае, лучше, чем загазованная Москва.

– Спасибо, Сашенька, мы подумаем, – кивнула Ирина и скрылась в кухне, откуда по-прежнему доносились горестные всхлипы Даши.

За большим овальным столом снова воцарилось разнородное молчание: Коротков молчал умиротворенно и спокойно, Александр Каменский – сосредоточенно, Стасов – рассеянно, Настя – настороженно и недовольно. А вот муж ее Алексей... Настя подумала, что если бы нужно было как-то охарактеризовать молчание Чистякова, то она сказала бы, что он молчит насмешливо. Интересно, что его развеселило? Неужели тот факт, что Юрка Коротков до сих пор так трепетно влюблен в свою вторую жену? Или то, что Дашенька, мать двоих детей и вообще вполне взрослая и самостоятельная женщина постбальзаковского возраста, может столь отчаянно рыдать, разбив «так много значившую для мужа» чашку? Смешно, право слово! Или он тихо радуется перспективе остаться хотя бы на короткое время соломенным холостяком? Почему-то эта мысль была ей неприятна.

А вот пусть сам скажет! В конце концов, Лешка все эти тридцать лет всегда был полноправным членом их рабочего коллектива.

– А что ты молчишь, Чистяков? – сердито проговорила она. – Ты сам-то понимаешь, зачем меня Саня отправляет в этот Вербицк?

– Конечно, – усмехнулся Алексей. – Асенька, я, в отличие от тебя, имею глупое обыкновение читать всякие новости, поэтому я более или менее в курсе. Просто я предоставил возможность Саньке самому все объяснить.

Всхлипы на кухне не утихали, и Александр Каменский со вздохом поднялся из-за стола.

– Леха, будь другом, расскажи моей строптивой сестре, что к чему, а я пойду Дашку успокою.

– Ага, – воодушевился Стасов, – давай, расскажи, мне тоже интересно, ради каких таких пряников у меня забирают лучшего сотрудника на неопределенный срок.

– А ты не подлизывайся, – огрызнулась Настя. – Продал девушку в рабство за три копейки... И торговался, между прочим, весьма бойко. Мы все слышали. И при этом ни разу не вспомнил про лучшего сотрудника. Предатель ты, Стасов!

В отличие от Александра, который был превосходным финансистом и умелым организатором, но весьма посредственным рассказчиком, Алексей Чистяков, имевший многолетний опыт чтения лекций в аудиториях самого разного уровня, изложил суть проблемы коротко и внятно. Дороги в России всегда были слабым местом, это общеизвестно. На сегодняшний день федеральная трасса «Сибирь» доходит только до Кемеровской области, но существующей Федеральной программой дорожного строительства предусмотрено финансирование продления трассы через соседнюю, Перовскую, область. Проект еще не утвержден, рассматриваются два варианта прокладки трассы, но в обоих вариантах дорога обязательно пройдет через крупный город Вербицк. Город окружен густыми таежными лесами и озерами, и местность является чрезвычайно привлекательной для всякого рода рекреационных предприятий – пансионатов, домов отдыха, санаториев, реабилитационных клиник. И, само собой, для частной коттеджной застройки. Но только при условии наличия хорошей дороги, то есть подъездных путей. Вопрос в том, как именно, с какой стороны Вербицка будет проходить трасса. Зная это точно, можно уже сейчас по вполне приемлемой цене скупить необходимое количество земли под застройку. Когда проект будет утвержден официально, цена земли вырастет в разы, а когда построят трассу – в десятки раз. Поэтому покупать нужно сейчас.

Ситуация осложняется тем, что мэр Вербицка собирается идти на второй срок, выборы через несколько месяцев. Мэра поддерживает группа бизнесменов, заинтересованных в том, чтобы трасса проходила с южной стороны города, а главный конкурент мэра на этих выборах – ставленник другой группы, которая имеет финансовые интересы с другой стороны, северной. Каждая из двух

группировок имеет довольно существенный административный ресурс на уровне области, и ресурс этот позволяет как одним, так и другим «продавить» выгодный им проект прокладки трассы.

Таким образом, от Короткова и Каменской требуются две вещи: первая – собрать информацию о том, какая группировка имеет лучшие шансы на победу и, соответственно, какой именно вариант проекта будет представлен на утверждение в Правительственную комиссию; вторая – на территории, прилегающей к наиболее вероятному маршруту прохождения трассы, подыскать место, отвечающее всем необходимым требованиям, как с точки зрения коммуникаций, так и с точки зрения инфраструктуры.

Услышав ненавистные слова «коммуникации» и «инфраструктура», Настя поморщилась.

– Но я ничего в этом не понимаю.

– Зато я понимаю, – весело отозвался Коротков. – Отлично все понимаю. Не боись, Пална, совладаем!

Юркиной радостной уверенности она не разделяла... Мэры, выборы, финансы, бизнес, группировки и вообще вся эта политика... Ну настолько это все не «ее»! Никогда у Насти Каменской не было к подобным задачкам ни вкуса, ни интереса.

– Да ну... – удрученно пробормотала она. – Мне бы труп... Убийство бы... Как-то оно роднее, привычнее. В трупах я хоть что-то понимаю. Мало, конечно, но хоть что-то. А в водопроводах и электросетях ваших вообще ни кукареку. И в выборах, кстати, тоже.

– Специально для тебя, – рассмеялся Чистяков, – по заявке трудящихся, так сказать, сообщаю, что электорат города Вербицка всерьез озабочен экологическими проблемами...

– Нет! – Настя в ужасе замахала руками. – Только не это! Экологии я уже не вынесу.

– А ты не кричи раньше времени, ты послушай, – невозмутимо продолжал Алексей. – Вербицк – город крупный, без малого миллионник, градообразующим стал в свое время металлургический комбинат, потом добавился большой химкомбинат. Потом все пришло в упадок, потом все переделали и перекупили, и сейчас производство продолжается, хотя уже не в таких масштабах, как раньше. Но экологическая обстановка в городе всегда была сложной, и жители издавна привыкли о ней думать и придавать ей значение. В таких городах обычно бывает сильна гражданская инициатива в этом направлении. И вот, понимаешь ли, какая незадача, начали в Вербицке убивать экологов...

Настя, до этого момента слушавшая мужа с откровенной скукой, оживилась и вскинула глаза на Чистякова.

– В интернет постоянно вбрасываются материалы, избличающие бездействие городской администрации и лично мэра, а также лично начальника городского УВД в деле раскрытия этих убийств.

– И много их, убийств-то? – с интересом спросила Настя.

– Уже три. И ни одно не раскрыто. В упомянутых материалах совершенно недвусмысленно утверждается, что мэр не заинтересован в раскрытии, потому что погибшие экологи провели какие-то исследования и собирались обнародовать факты, которые должны помешать принять тот проект трассы, который выгоден мэру. Более того, у мэра на протяжении всего четырехлетнего срока были прекрасные позиции в глазах населения, он очень много сделал для города, и вообще приятный во всех отношениях человек. Никто не сомневался, что он легко пройдет на второй срок и его конкуренты – только видимость для соблюдения процедуры, потому что реальных сильных претендентов на должность мэра не было. Но из-за этих убитых экологов позиции мэра сильно пошатнулись, население перестает ему верить, и его победа на предстоящих выборах на текущий момент под большим вопросом.

Вот теперь Алексею удалось полностью завладеть вниманием жены. Настя даже не заметила, как вернулся и снова сел за стол ее брат. На его белоснежном свитере отчетливо виднелись темные разводы и пятна: похоже, Даша рыдала, уткнувшись лицом в мужнино плечо, и оставила на свитере следы потекшей туши.

– Но я же не могу заниматься раскрытием убийств, – неуверенно произнесла Настя. – У меня и прав никаких нет. И вообще...

– А тебя никто и не просит, – ответил Александр. – Ты просто должна иметь это в виду, когда будешь оценивать вероятность принятия того или иного варианта проекта трассы. И вообще, Аська, мне нужно понимать, насколько город чист от криминала и можно ли начинать там дело. Сибирь большая, таежные леса огромные, я, в принципе, могу построиться в любом другом месте. Проблема в том, что там, где федеральная трасса уже есть, земля очень дорогая, а там, где ее в ближайшее время не будет, строиться нет резона. Перовская область в этом смысле для меня оптимальна. Трасса будет в ближайшее время, а цены на землю, пока не утвержден проект, остаются еще приемлемыми. Но ведь Перовская область – это не только Вербицк, там и другие города есть, пусть не такие крупные и богатые, но тоже неплохие. Конечно, лично мне как владельцу выгоднее именно крупный и богатый город, потому что пансионат я хочу построить большой и практически пятизвездочный. Для сотрудников банка путевки будут дешевыми, а то, что пойдет через коммерческий отдел, будет дорогим. Жители близлежащего города это как раз потенциальная клиентура. Но если нужно будет строиться в другом месте, то придется пересмотреть весь бизнес-план и сделать пансионат попроще и подешевле. Ничего смертельного. Чисто финансовый вопрос.

Даша, наконец, перестала оплакивать безвременную кончину «многозначашей» чашки, и дальнейший разговор протекал за чаем. Коротков задавал уточняющие вопросы, Саша давал подробные инструкции.

К концу вечера Насте Каменской стало окончательно понятно, что ее нежелание ехать в далекий сибирский Вербицк не вызвало ни у кого из присутствовавших ни понимания, ни поддержки. Даже Ирина не встала на ее сторону, хотя она, по идее, должна была категорически воспротивиться длительной отлучке Короткова: с тех пор, как Юрка отсудил у своего сына-алкоголика и его спившейся жены право воспитывать внучку, добившись лишения родительских прав, ей постоянно приходилось согласовывать графики съемок с занятостью мужа. Бабушка Анечки, первая жена Короткова, всегда готова была с радостью взять малышку к себе на любой срок, но за время судебно-опекунской тяжбы у давно разведенных супругов настолько испортились отношения, что лишней раз вступать в контакт с Лялей не хотелось ни самому Короткову, ни тем более Ирине. Конечно, у них была няня, но все равно одно дело, когда муж, пусть и поздно, но каждый вечер возвращается домой, и совсем другое – когда он в

командировке неизвестно на какой срок. И Стасов тоже... Предатель! Саня специально пригласил и его как Настиного шефа и работодателя, и Чистякова, и Иринку, чтобы выслушать все возражения и сразу же решить все проблемы, если таковые у кого-то возникнут, и хоть бы кто-нибудь заикнулся, хоть бы кто-нибудь возразил! Такое впечатление, будто все, кроме нее, просто-таки мечтали, чтобы эта поездка состоялась. Вся рота в ногу идет, одна она, Настя Каменская, не в ногу... Впрочем, как обычно.

- Ну и что ты загрустила, старушка моя? - спросил Чистяков, когда они возвращались в Москву. - Неужели так сильно ехать не хочешь?

- Не хочу, - вздохнула она.

- Почему? Тема неинтересная?

- Не знаю, - рассеянно ответила Настя и в этот момент вдруг поняла, что сказала чистую правду.

Она действительно не знает, почему не хочет ехать. Вот просто не хочет - и все. Необъяснимо. Она не хочет сидеть в аэропорту, лететь в самолете, жить в гостинице, ездить на непонятно какой машине с непонятно каким водителем... Она хочет жить в своей маленькой привычной квартирке, спать на своем привычном диване, мыться в своей ванной и находить все выключатели с закрытыми глазами.

- Ну, хорошо, - кивнул Леша, - пусть ты не хочешь, пусть. И пусть даже ты не знаешь почему. Но Санька - твой брат, ты его любишь, он сделал тебе много хорошего, и ты не можешь ему отказать. Значит, ехать все равно придется. Поэтому - что, старушка моя?

- Не находишь в себе желания - найди мотивацию, - уныло ответила Настя и жалобно попросила: - Леш, найди мне мотивацию, а? Что-то у меня плохо получается.

- Да легко! - рассмеялся Чистяков, не отрывая взгляда от дороги. - Целых две, выбирай любую или бери обе. Первая: интерес. Новое место, другая природа, другие люди, другие нравы, другая архитектура, другой акцент, местные жаргонизмы. Ты же там не была никогда, ничего этого не видела, не слышала.

Неужели не любопытно?

- Не-а. - Она отрицательно помотала головой. - Не любопытно.

- Тогда второй вариант: Коротков без тебя не справится. Он работает на Саню, Саня платит ему зарплату, и очень немаленькую, Коротков должен ее отрабатывать. Он один это задание просто не потянет. И не потому, что Юрка глуп, отнюдь, он очень умный, даже умнее тебя, - уточнил Алексей, пряча улыбку, - но ты сама знаешь, старушка, что в любом деле необходим второй глаз, а лучше - и третий, и четвертый. Пока смотришь одним глазом, велик риск что-то упустить. Юрке в любом случае нужен напарник. Кого ты можешь предложить на эту роль?

Настя молчала. Возразить было нечего.

- Вот именно, - продолжил Леша после паузы. - Нужен человек, равный Юрке по опыту и квалификации, причем такой, с которым ему будет комфортно, которому он может доверять и - самое главное - который может вот так, на ровном месте, за здорово живешь, сорваться и поехать неизвестно куда неизвестно на сколько. Кто еще, кроме тебя, отвечает всем этим критериям? Ты поможешь и своему брату, и своему старому другу и коллеге. Разве этого мало для мотивации?

- Умный ты, Лешка, до полной невозможности, - улыбнулась Настя. - Сомнений моих ты не развеял, но чувство долга пробудил. Уговорил. Буду звонить.

- Кому?

- Кому-кому... Для начала - брату любимому, а там посмотрим. Если он хочет, чтобы мы ему помогли, пусть сначала сам нам поможет.

Она вытащила из кармана куртки телефон и нашла в списке контактов нужный номер.

- Завтра мы не полетим, - заявила она Александру без долгих предисловий. - Полетим послезавтра. За завтрашний день тебе придется напрячь свои связи и организовать звонок начальнику Вербицкого УВД из области, от кого-нибудь повыше. А лучше - из Москвы. Это уж как сможешь. И еще: я в интернете

посмотрю отели Вербицка, выберу нам с Юркой жилье... Нет, Санечка, я сама выберу... Нет, сама. Никто лучше меня не знает, что именно мне нужно. И машину с водителем в аренду, но машину такую, как я скажу. Да в гробу я видала ваши эти «Мерседесы» навороченные! Мне нужна такая машина, которую в случае необходимости я смогу сама вести. Ну мало ли, что Коротков может любую... А я вот не могу. У Короткова водительский стаж – сто лет, а у меня постоянной практики всего три года. В общем, Саня, если ты хочешь, чтобы мы работали, сделай, пожалуйста, как я прошу.

– Круто ты с братцем, – заметил Чистяков, когда она закончила разговор.

– Разве? По-моему, я была предельно вежлива.

– Ага. Ты бы слышала свой голос... Просто-таки лауреат конкурса на звание «самого ужасного начальника».

– Надо же... – пробормотала Настя. – Я и не заметила.

Она подумала еще пару минут и снова взялась за телефон. Когда Чистяков парковал машину возле дома, Настя Каменская уже заручилась обещаниями как минимум десяти человек поискать знакомых в Вербицке или хотя бы в областном центре.

Первым отзвонился Назар Захарович, или просто дядя Назар, как величали его все бывшие коллеги и ученики, старый опытный сыскарь, Настин первый наставник в уголовном розыске, по сей день преподающий на кафедре оперативно-разыскной деятельности. Дядя Назар выполнил свое обещание быстрее всех и дал координаты знакомого опера из Вербицкого УВД.

– Там уже ночь глубокая, я звонить не стал, эсэмэску кинул ему с просьбой перезвонить, думал, может, завтра он со мной свяжется, а этот старый перечник, оказывается, на сутках, дежурит. Я ему про вас с Юркой сказал, он готов посильную помощь оказать, конечно, но ты на него особо не рассчитывай, – говорил дядя Назар. Настя слушала журчащий в трубке говорок своего наставника, одной рукой держа телефон, а другой пытаясь расшнуровать кроссовки. – Попивает он изрядно, да и вообще его теперь мало что волнует, как мне показалось. У него вся семья в авиакатастрофе погибла – жена, двое детей и теща, он тогда по-черному запил, с должности начальника убойного отдела

слетел, до простого опера докатился. Ну, с учетом стажа и былых заслуг числится старшим опером, но по факту... Ты уж прости, Настасья, но больше у меня в тех краях никого нет. В Кемеровской области есть хорошие надежные ребята, в Омской есть, в Новосибирской, а вот в Перовской – никого. Могу найти тех, которые из соседних областей, если надо, может, они в Вербицке кого-нибудь знают. Даже наверняка знают, сибиряки – народ дружный, не то что мы, москвичи.

– Спасибо, дядя Назар! Если будет нужно, обращусь к вам еще раз, можно?

– Само собой. Так что имя и телефончик я тебе сброшу. Счастливого пути, дочка, удачи тебе.

Весь следующий день Анастасия Каменская посвятила подготовке к поездке. Сначала выпалась как следует, потом полезла в интернет, поискала сведения об отелях Вербицка, внимательно прочла всю информацию, рассмотрела фотографии, изучила карту города, сделала несколько телефонных звонков и, наконец, определилась с выбором. Затем начала читать все подряд: географическая характеристика региона; промышленность и экономика; администрация; социальная политика; грядущие выборы мэра; преступность; культурная жизнь. Одним словом, все, что было в сети о городе Вербицке.

К вечеру глаза ломило от напряжения, но зато Настя чувствовала, что к поездке готова. Ну, конечно, не полностью, но настолько, насколько вообще возможно было подготовиться к работе за один день.

Вторник

Константин Кириллович Смелков не любил летать на вертолете. Но ехать до областного центра пять часов, пусть и на очень хорошей машине, но по очень плохой дороге, и потом столько же – в обратную сторону он не любил еще больше. Да и не было у него этих лишних свободных десяти часов. Если занимаешь пост мэра в таком городе, как Вербицк, приходится учитывать каждую минуту. Особенно в предвыборный период, когда к ежедневной работе по управлению городом добавляются необходимые, но такие нудные мероприятия по мотивированию электората.

После вертолетного путешествия всегда подташнивало и накатывала головная боль, посему дорога от площадки до центра города обычно приводила Константина Кирилловича в самое мерзкое настроение. Весь ближний круг об этом знал и с этим считался. Не в том смысле, что любимого мэра берегли и старались оградить в такие периоды от необходимости решать насущные проблемы, нет, разумеется. Мэра никто беречь не собирался, на то он и мэр, народный избранник, поставленный, точнее – посаженный в кресло, чтобы решать проблемы. Берегли себя: старались не соваться в высокий кабинет без особой нужды, чтобы не огрести по полной.

Из нынешней поездки в Перов мэр Вербицка возвращался расстроенным и недовольным. Собственно, целью визита в высокие кабинеты было очередное «вентилирование» процесса подготовки проекта Федеральной трассы. Утверждать его будет Правительственная комиссия в Москве, поскольку средства на строительство будут выделены из Федерального дорожного фонда, но разрабатывают проект здесь, на месте, в области. И вариантов этого проекта на сегодняшний день существует два. А в Москву на утверждение будет направлен только один. Какой из двух? Вот в этом весь вопрос.

Смелков располагает довольно мощными связями на областном уровне и среди ближайшего окружения губернатора, но у его противников, заинтересованных в другом проекте, связи не менее обширные. Борьба идет на равных. И на сегодняшний день самое главное – выиграть выборы в Вербицке и остаться в кресле главы города на второй срок, потому что влияние мэра в любом случае сильнее, чем влияние того, кто выборы проиграет. До тех пор, пока неясно, кто будет руководить городом в ближайшие четыре года, авторитет у Смелкова и его главного конкурента Горчевского в глазах областных деятелей примерно равный, а вот когда выборы пройдут, ситуация станет совсем иной. Кто мэр – тот и прав. Если Смелков победит, ему удастся провалить тот проект прокладки трассы, который ему нужен. Если победит Горчевский – в Москву на утверждение представят совсем другой проект. И тогда все станет очень сложно. И опасно. И вообще плохо. По проекту, в котором заинтересованы оппоненты мэра, трасса должна пройти мимо Вербицка с северной стороны, как раз через то место, где сейчас расположена норковая ферма, одна из двух в области. Звероферму ликвидируют, поголовье продадут за бесценок Перовскому пушному зверохозяйству, которое давно зарится на выведенное в Вербицке элитное племенное ядро. Допустить уничтожения зверофермы Смелков не может. Никак. Ни при каких условиях. А Горчевскому и тем представителям бизнеса, которые стоят за ним, на звероферму наплевать, им нужна земля к

северу от Вербицка, они там уже все скупили и поделили и теперь в нетерпении потирают ручки, ожидая начала строительства Федеральной трассы. Трасса дело выгодное – сразу же появляются желающие перекупить участки под магазины и торговые центры, рестораны, склады, придорожные кафешки и заправки. А уж о жилой застройке вообще говорить не приходится. Вербицк – город традиционно экологически неблагополучный, металлургический и химический комбинаты исправно вносили свой вклад в загрязнение окружающей среды на протяжении десятилетий, поэтому желание построить дачу или загородный дом присуще каждому жителю города. Вопрос только в деньгах. У кого они есть – будут строиться. Значит – будут покупать землю. И покупать именно там, куда можно доехать. А не в глухой тайге.

За звероферму Константин Смелков готов был биться до последнего вздоха. И бился, не щадя себя. В какой-то момент ему показалось, что дело сдвинулось с мертвой точки и его пламенные речи о вековых традициях российского пушного звероводства, о ведущем месте русской пушнины в мировом меховом бизнесе, которое мы потеряли после перестройки и которое сейчас нужно завоевывать снова, наконец, были услышаны. Его вызвали в область, в комитет по транспорту и дорожному строительству, сопроводив приглашение словами: «Есть мнение, что звероферму вашу нужно постараться сохранить». Константин Кириллович воспрянул духом, полетел в Перов, но услышал от высоких чиновников совсем не то, что ожидал и хотел. Трасса пройдет через территорию зверофермы. А саму ферму просто перенесут в другое место. Километров на десять восточнее.

Такая постановка вопроса мэра категорически не устраивала.

Смелков сидел на заднем сиденье, прикрыв глаза и пытаясь не сосредоточиваться на нарастающей головной боли. Впереди, на пассажирском сиденье рядом с водителем, покачивались в такт попадающим под колеса выбоинам мощные плечи охранника Саши, выполнявшего в поездках еще и функцию помощника.

– Соедини меня с Деревянко, – проговорил Константин Кириллович, едва шевеля губами.

Зоя Григорьевна Деревянко была гендиректором Вербицкой зверофермы, прошла весь путь от простой работницы-звероведа до бригадира, потом, получив образование, доросла до старшего зоотехника, потом до главного зоотехника, а теперь возглавляла все хозяйство. И никто лучше ее, пожалуй, во

всем Вербицке проблемой не владел.

Через пару минут помощник-охранник обернулся и протянул Смелкову телефон:

– Деревянко на проводе.

Смелков глубоко вздохнул и взял трубку.

– Зоя Григорьевна, вы могли бы подъехать сегодня? Нет, я еще не в городе, буду у себя минут через двадцать. Попозже? Хорошо, жду вас в девятнадцать часов. Но непременно сегодня, вопрос не терпит отлагательства. Да, насчет фермы.

Закончив разговор, поморщился, вытащил из портмоне конвалюту с таблетками от головной боли, сунул в рот две пилюли, разжевал, проглотил и запил несколькими глотками воды из бутылки, стоящей в специальном держателе. Задумчиво посмотрел на телефон и следующий номер набрал сам:

– Олеся, запиши Деревянко на девятнадцать часов и вызови ко мне Баева. Да, сейчас. Я буду через пятнадцать минут. В приемной есть кто-нибудь? Пусть не ждут, я сегодня никого не приму. Распиши всех на завтра. Кто? Лаевич? Пусть приходит к девятнадцати, он мне будет нужен вместе с Деревянко.

Геннадий Лаевич возглавлял предвыборный штаб Смелкова. Молодой, креативный, он частенько находил оригинальные ходы, казавшиеся на первый взгляд глупыми или нелепыми, но в итоге, к всеобщему удивлению, дававшие очень неплохие результаты. Пусть подумает вместе с Зоей, что еще можно предпринять, чтобы избиратели поняли: ни при каких обстоятельствах норковую ферму трогать нельзя. И только избрание Константина Смелкова на новый четырехлетний срок позволит ее сохранить. Если выберут Горчевского – ферма неизбежно погибнет.

Как и во многих других городах, мэрия Вербицка располагалась в здании, где когда-то находились бок о бок горисполком и горком партии. Конечно, внутри все было заново отремонтировано и приведено в более или менее современный вид, но сама постройка и красивый сквер перед ней оставались все теми же, какими их помнил Смелков с юности. Правда, в центре сквера возвышался раньше памятник Ленину, как было принято повсюду. Памятник убрали, но постамент остался. Долго судили-рядили, как его использовать, кому монумент

воздвигнуть, так ни до чего и не договорились, и вид пустого постамент, первое время резавший глаз, тоже в конце концов стал привычным.

Константин Кириллович легко взбежал по ступеням, ведущим в здание, и так же без малейших усилий поднялся по лестнице на второй этаж, где находился его кабинет. Несмотря на так и не прошедшую головную боль, широко и обаятельно улыбнулся секретарю Олеся. Хоть и молодая девочка, а толковая, подумал он, всех отправила, приемная пустая. Хотя... Он же просил вызвать начальника УВД полковника Баева. Где он?

- Все в порядке? - спросил Смелков.

- Да, все как вы велели. Всех со срочными вопросами записала на завтра, с не очень срочными - на послезавтра, некоторых приняли ваши замы, это их компетенция. Игорь Валерьевич будет через три минуты, он вышел покурить, - четко доложила Олеся. - Что вам сделать? Чай, кофе, бутерброды, печенье?

- Мне, будь добра, чайку крепкого и сладкого. А Игорю Валерьевичу - что попросит. И Сашу чаем угости. - Он кивнул на плечистого охранника, вошедшего следом за ним и стоявшего в сторонке.

- Обязательно, - улыбнулась Олеся.

Константин Кириллович знал, что этот новый охранник ужасно симпатичен Олеся, и ничего не имел против их легкого флирта. И потом, это же так демократично, так по-свойски, по-отцовски - опекать, «курировать» чувства молодых людей! Демократичность, доступность и обаяние - вот три кита, на которых зиждется народная любовь к мэру Смелкову. И китов этих нужно кормить, ухаживать за ними и вообще всячески поддерживать в рабочем тонусе. А кто первый и главный распространитель в народе сведений о руководителе? Конечно же, секретарша, это всем известно.

Грузный, с нездоровым отечным лицом, начальник УВД вошел в кабинет, когда Смелков уже сидел за своим столом. Следом за полковником Баевым вплыла Олеся с подносом: чай для мэра, крепкий эспрессо для гостя, сдобное печенье для обоих.

– Плохо выглядишь, – заметил мэр, внимательно разглядывая своего старого друга. – Не болен, часом?

– Здоров, – коротко ответил Баев. – Что случилось? Что сказали в области?

– Предложили перенести ферму в другое место. Сам понимаешь, это не вариант. Я там кое-что замутил, хочу поставить в позу ответственности департамент транспорта, через день-другой узнаю результат. Пусть второй зам будет мне должен, а то его люди Горчевского солидно прикормили. Но я тебя по другому вопросу вызвал. Игорь, ты разберешься когда-нибудь с этими экологами, в конце концов? Еще на вчерашний день разговоры шли о трех убитых, а сегодня их уже стало четыре! Что вообще происходит? Кого опять убили? Почему я должен узнавать об этом по радио, а не от тебя лично?

– Ты собрался от меня лично получать оперативную информацию? – недобро усмехнулся Игорь Валерьевич. – Новых убийств не было. Просто появилась информация о том, что некий Семушкин, обнаруженный мертвым на улице почти две недели назад, тоже был экологом и тоже проводил какие-то исследования в какой-то неизвестной нам лаборатории. До сегодняшнего дня никто этого покойника с экологией не связывал.

– Какая же это оперативная информация, если она на радио просочилась? – недовольно ответил Смелков. – Что у тебя в ведомстве происходит?

– Я разберусь. Это уже не в первый раз, когда кто-то сливает информацию журналистам.

– Игорь, я не понимаю твоего спокойствия. Весь город на ушах стоит из-за этих убитых экологов, я теряю очки в глазах населения, мой рейтинг стремительно падает, потому что все эти разговоры про убийства обрастают слухами. Якобы есть какая-то лаборатория, в которой провели исследования и доказали, что звероферма приносит огромный вред людям. А мэр, то есть я, хочет, чтобы трасса пролегла не с севера, а с юга, потому что у него там финансовые интересы. И на саму звероферму мэру, то есть мне, плевать, но я ею будто бы прикрываюсь, чтобы не допустить строительства трассы с северной стороны. – Смелков, сам того не замечая, начал постепенно повышать голос. – Ты должен – слышишь? – должен в кратчайшие сроки раскрыть эти гребаные убийства и найти мне эту гребаную лабораторию! Потому что до тех пор, пока преступления

не раскрыты, журналисты и все прочие будут орать на каждом углу, что я, именно я, а не ты, заинтересован в укрывательстве преступников от возмездия, потому что именно мне выгодно скрыть правду об экологической опасности зверофермы. Не можешь найти убийц – найди хотя бы лабораторию! И мы сами посмотрим, чего они там наисследовали. Я больше чем уверен, что результаты этих исследований можно толковать как угодно, так всегда бывает, и всегда все можно повернуть в нужную сторону. Но народ надо успокоить, Игорь. До выборов осталось три месяца. Ты же сам все понимаешь.

Полковник одним глотком опустошил маленькую чашечку с крепчайшим кофе и поставил ее на блюдце. Смелков так за всю жизнь – а они с Баевым знали друг друга и дружили еще с детского сада – и не привык к тому, что сначала очень крупный и мускулистый, а с годами ставший грузным и оплывшим Игореха умел быть таким точным, аккуратным и неслышным в движениях. Соприкосновение чашки с блюдцем не породило ни единого, даже самого тихого звука.

– Костя, все намного хуже, чем ты думаешь, – негромко произнес полковник. – Поверь мне, мои ребята делают все, что нужно и возможно, чтобы раскрыть эти убийства. Они ночами не спят, они есть-пить не успевают. Но не нашли ни единой зацепки. Ни единой! Никакой информации ни о самих убийствах, ни об этой клятой лаборатории. И если все так, как мы думаем, то речь идет об очень хорошо законспирированной организации. А это, как ты понимаешь, невозможно без очень хорошего финансирования. Значит, у кого-то есть в этом большой и крепкий интерес.

– Ничего нового я не услышал, – презрительно хмыкнул Смелков. – Все эти разговоры мы с тобой вели и три дня назад, и неделю назад. Что изменилось? Ничего! Так почему же ты говоришь, что все намного хуже, чем я думаю?

– Потому что появилось письмо, адресованное этому Семушкину, убийство которого у нас висит уже почти две недели, но которым мы пока совсем не занимались, потому что все силы брошены на убийства экологов. Из этого письма совершенно очевидно, что сам Семушкин тоже занимался вопросами экологии, равно как и автор письма, и они там в лаборатории закончили какое-то исследование, результаты которого позволят – цитирую: «всех отдать под суд».

– Кого – всех? – растерянно спросил Константин Кириллович. – Ты что, тоже веришь в то, что наша звероферма представляет собой экологическую опасность? Но это же бред! Этого не может быть! Никогда еще клеточное

разведение пушных зверей не приносило никакого вреда! Никому!

Баев усмехнулся.

– Ты уверен, Костя? А вот известен ли тебе такой документик, который называется «Нормы технологического проектирования звероводческих и кролиководческих ферм»? И не какие-нибудь доисторические нормы, а вполне себе постперестроечные, двухтысячного года. Ну да, ты же мэр у нас, большой начальник, куда тебе с такой мелочовкой связываться. А я, знаешь ли, попроще, чином помельче, я вот не погнушался и почитал. И знаешь, что там написано?

Баев достал из папки файл с распечатанным документом, перелистнул несколько страниц, нашел строчки, выделенные цветным маркером.

– Вот, зачитываю тебе дословно. «Основными источниками загрязнения атмосферного воздуха являются выбросы систем вентиляции из зданий с регулируемым микроклиматом, газодымовые выбросы из котельных. В выбросах вытяжных вентиляционных систем содержатся вредные и дурно пахнущие газы (аммиак, сероводород), пыль и микрофлора, а также водяные пары и углекислый газ. Вредность газодымовых выбросов от котельных зависит от вида топлива и принятой системы дымоочистки». Повторяю, если ты невнимательно слушал: вредные и дурно пахнущие газы – аммиак и сероводород. Ты знаешь, какое топливо используется у Зои на ферме? Ты этим интересовался? А какая система дымоочистки у нее стоит, тоже спросил? А как насчет охраны поверхностных и подземных вод от загрязнения? А в стоках, между прочим, содержатся фосфаты, хлориды и соли аммония. Так что о безвредности пушного звероводства ты своей внучке расскажи лет через пятьдесят. А о том, как в нашей стране соблюдается технология очистки, я тебе рассказывать не буду, сам не маленький.

– Да что ты голову мне морочишь! – возмутился Смелков. – Зоя приличный человек, знающий, в звероводстве всю жизнь проработала, если она мне гарантирует, что у нее на ферме все чисто, я ей верю.

– Да верь, ради бога, – пожал плечами начальник УВД. – Просто на всякий случай имей в виду, что все может быть. И вредные выбросы, и нарушение системы очистки. Одним словом, не забывай о том, что написано в письме: есть основания для возбуждения уголовного преследования. И если все подтвердится, народ горой встанет за то, чтобы ферму ликвидировали раз и навсегда. Против

металлургического и химического комбинатов никто слова не скажет, это рабочие места для города и огромные деньги в бюджет, вон один только Петька сколько налогов со своего производства отчисляет! А с фермы этой нашей толку – как с козла молока в общегородском масштабе, никто за нее цепляться не станет. Но это еще не самое плохое.

– Что еще?

– Из Москвы едут какие-то мутные люди. Якобы бывшие сотрудники МВД, давно в отставке. И якобы их направляет банк «АПК» для решения вопроса о возможности покупки земли в нашем районе под строительство пятизвездочного пансионата.

– Что-то много у тебя «якобы» получилось, – покачал головой мэр.

– А это потому, Костя, что ни одному слову в этой легенде я не верю. Только вчера появилось письмо со словами о лаборатории и о результатах исследования, и уже сегодня мне звонят из Москвы и предупреждают, что приедут два человека, и просят оказать содействие, если будет нужно. Ты понимаешь, что все это может значить?

– Плохо, – выдохнул Смелков. – Все это очень, очень плохо. Думаешь, ФСБ?

– Все может быть, – неопределенно ответил начальник УВД.

– Может, Петьку попросим помочь?

– Придется. Хоть ты и не прав был, когда от него дистанцировался, но сейчас это может как раз сыграть нам на руку. Ладно, пойду я, дел много.

И снова Смелков отметил про себя, насколько бесшумно отодвинул стул полковник. Ни скрипа, ни шороха. И как ему это удается?

«И все равно Игореха плохо выглядит, – подумал Константин Кириллович, глядя на закрывающуюся за другом дверь. – Мы ведь ровесники, с одного года. А я по сравнению с ним просто парень жениховского возраста. И веса лишнего у меня нет, и морщин куда меньше, и здоровье явно лучше».

До прихода гендиректора зверофермы Зои Григорьевны Деревянко оставалось время, которое мэр посвятил работе с бумагами, накопившимися за день, ведь в область он уехал, а точнее – улетел, с раннего утра.

Зоя Григорьевна, полная энергичная седая женщина чуть за шестьдесят, с возмущением отмела все предположения о нарушениях в работе зверофермы. И Смелков ей поверил. Впрочем, он никогда не отличался излишней недоверчивостью, ему так было проще. Когда же речь зашла о возможном переносе фермы на десять километров к востоку, попросила принести карту района. Верная Олеся (впрочем, с удовольствием проводившая время в приемной в обществе нового охранника Саши), не уходящая домой раньше шефа, тут же принесла карту и разложила ее на столе для совещаний.

– Во-первых, сюда переносить нельзя. – Зоя Григорьевна ткнула карандашом в место на карте, обозначая участок, где предлагалось построить новую ферму. – Нам природоохрана не разрешит, здесь территория заповедника. Во-вторых, на ферме должны работать люди, а это значит, что они будут туда как-то приезжать и как-то уезжать домой. Как? На крыльях, что ли? Вы дадите денег на строительство дороги от города до фермы? Здесь же заповедные леса, человек только пешком пройдет. Трассы-то еще не будет, ведь прежде, чем ее строить, нужно ферму убрать, а куда ее убирать, если новая не построена? Значит, сначала строим новую ферму, а только потом прокладываем Федеральную трассу, а никак не наоборот. Как вы собираетесь туда технику подгонять для строительства? Ну ладно, под технику вырубите лес, с вас станется, сделаете просеку. А дальше что? Построите ферму, а как на ней работать? Нужны пути для доставки кормов, это обязательное требование. А возят их не в легковушках и даже не на «газелях», а огромными фурами, которые по проселочной дороге не проедут. Нужна строго определенная роза ветров, чтобы наши запахи не доходили до жилых домов. Здесь направление ветров такое, что никто разрешения на строительство зверофермы не даст. Короче, Константин Кириллович, все эти словеса о переносе фермы – просто детский лепет на лужайке. Проект ни в одной инстанции не пройдет.

Про розу ветров и про необходимость путей для доставки кормов Смелков слышал впервые, и это не укрылось от внимания Лаевича, руководителя предвыборного штаба. Лаевич внимательно слушал гендиректора зверофермы и не произносил ни слова, только то и дело бросал изучающие взгляды на мэра.

– Константин Кириллович, а вы сами давно на ферме были? – неожиданно спросил он.

– Да я ж ее вот этими самыми руками строил! – воскликнул Смелков.

Это было сущей правдой. В 1979 году окончивший школу, провалившийся в институт и ожидавший осеннего призыва в армию Костя Смелков действительно работал на строительстве Вербицкой зверофермы. Простым рабочим. Этот факт стал одним из основополагающих в фундаменте всей аргументации мэра в защиту фермы. Выступая перед избирателями и давая интервью журналистам, он постоянно повторял: «Я знаю, как это больно и несправедливо, когда ради чьей-то выгоды или каких-то непонятных мифических благ уничтожается то, что ты сам когда-то сделал своими руками, что любил и чем гордился. Я горжусь тем, что начинал свой путь обычным чернорабочим на стройке, и я не дам в обиду нашу звероферму, которую сам строил вместе с другими жителями нашего города». Обычно это производило хорошее впечатление на слушателей...

– Строили, – кивнул Лаевич, молодой человек лет тридцати с небольшим, невзрачной наружности, с длинноватыми, но очень чистыми блестящими волосами, падающими на лицо косой челкой и почти полностью закрывающими один глаз. – Но с тех пор были хоть раз?

Мэр пожал плечами.

– Не был. А что мне там делать?

– Это надо исправить.

– Каким образом? Говорить на всех углах, что я там был только вчера?

– Ну зачем же, – усмехнулся Лаевич. – Ложь – это всегда плохо. Это неправильно. И это не наш путь. Наш путь – правда, причем легко проверяемая. И этим наша политика ведения предвыборной кампании выгодно отличается от политики Горчевского. Вы должны будете поехать на ферму вместе с телевизионщиками, чтобы это увидел весь город. И вы должны будете ходить по нашей ферме так, как ходит хозяин по своей земле. Вы меня понимаете, Константин Кириллович?

- Не совсем...

Мэр испытующе посмотрел на молодого человека. Не ошибся ли он, сделав его руководителем предвыборного штаба? Может быть, нужно было поставить на это место другого человека, проверенного, того, кто руководил штабом во время прошлых выборов и привел Константина Смелкова к победе? Лаевича рекомендовали как человека, умеющего придумывать неординарные ходы, не выходящие за рамки этики и тем более закона, и мэр сперва намеревался сделать его просто одним из членов штаба, но потом как-то все так сложилось... Прежний руководитель, проверенный, уже давший согласие возглавить штаб, тяжело заболел и работать не смог, а из тех, кто в тот момент был под рукой, Лаевич показался самым деловитым, организованным и сообразительным. Положа руку на сердце, у Смелкова не было к молодому человеку никаких претензий, ибо ни одно из предложенных им решений до сих пор не оказывалось неудачным. Но все равно, когда тебе пятьдесят три, трудно безоговорочно принять мысль о том, что тридцатилетние могут работать не хуже, а порой и лучше, чем твои ровесники. Вот и эта идея с фермой... Ладно, если это поможет - он готов не только на ферму ехать, но и дохлых мышей жрать. А вот что значит «ходить как хозяин по своей земле»? Клетки чистить, что ли? Или что?

- Я, Константин Кириллович, в отличие от вас, на ферме бывал, - спокойно пояснил Лаевич. В этом месте Зоя Григорьевна тихонько фыркнула и с трудом подавила улыбку. - Вот и Зоя Григорьевна смеется, потому что помнит, как это было в первый раз. Как я явился к ней в костюмчике и в начищенных ботиночках и попросил провести меня по ферме, показать, как там все устроено. Она меня в тот же момент развернула и выперла под зад коленкой. А знаете почему?

- И почему же? - спросил мэр с интересом.

О том, что руководитель его предвыборного штаба ездил на звероферму, он действительно слышал впервые. Интересно, что этому пацану там понадобилось?

- А потому, что на звероферму, туда, где звери находятся, никто не ходит в своей одежде, все переодеваются и переобуваются. Запахи там такие, которые мгновенно пропитывают все, что на вас надето, и не выветриваются они потом очень и очень долго. В цивильном можно только в административный корпус проходить, туда, где руководство сидит. А для визита к зверям необходима сменная одежда. И сапоги. И рукавицы. Без рукавиц брать зверя на руки нельзя,

а без картинки «мэр берет из клетки очаровательную норочку» никакого эффекта не получится. Кроме того, в организации звероводства довольно много специальных терминов, и если вы не будете ими владеть, в репортаже сразу станет видно, что вы там никогда не бывали. Вы центральный проход шеда от поперечного отличите? Вообще знаете, что такое «шед»? Вот вы приедете, переоденетесь, тележурналист задаст вам вопрос: а покажите-ка, Константин Кириллович, что именно вы тут строили. Вы хотя бы саму постройку узнаете? И сможете правильно сказать, что это такое? Кормоцех? Или убойный пункт? Или, может быть, это вообще теплая стоянка для кормораздатчиков? Или пункт первичной обработки шкурок? И зайдете вы в этот пункт, внутрь, и придется вам журналистам рассказывать и показывать, где тут что: где остывочная, где шкуроемочная, где обезжировочная, где дообезжировочная, где правилочная, где сушильное помещение, а есть еще помещение съемки шкурок с правилок, помещение откати шкурок по мездре и волосу, помещение доработки и очистки, сортировочная и, наконец, склад готовой продукции. Я все перечислил, Зоя Григорьевна? Ничего не упустил?

– Ничего не упустил, – со смехом подтвердила Деревянко. – Молодец, Гена, хороший ученик.

– И это я вам только пункт первичной обработки шкурок обрисовал, – продолжал Лаевич. – А если пойдете в кормоцех? Там тоже много всяких помещений, которые имеют разное предназначение и разные названия. И если вы, Константин Кириллович, будете этими терминами легко оперировать, то произведете впечатление человека, которому действительно небезразлична судьба зверофермы. А если вы там будете ходить как экскурсант, который все это видит впервые и знает только понаслышке, то в ваше желание сохранить ферму никто не поверит.

– До сих пор верили, – сердито буркнул Смелков, которому перспектива визита на звероферму уже не казалась такой беспроблемной, как в первый момент.

– Как показывают последние соцопросы, эта вера значительно пошатнулась. Ее заметно подорвал скандал с убийствами экологов. И дело нужно поправлять, – твердо заявил Лаевич. – Заодно вы можете перед камерами поговорить с Зоей Григорьевной об экологии, пусть она расскажет, какое топливо используется, как устроены очистные сооружения, то есть пусть профессионал сам дезавуирует слухи об экологической опасности зверофермы. Этому поверят больше, чем мэру, который на ферме никогда не бывал.

«Надо не перед камерами выпендриваться, а убийства раскрыть и внятно рассказать людям, наконец, кто и за что убил экологов, вот тогда народ действительно поверит, – раздраженно подумал Смелков. – А еще лучше – накрыть эту лабораторию, доказать, что все ее выводы сфальсифицированы, найти тех, кто эту фальшивку проплатил, и вывести на чистую воду». Но вслух, разумеется, ничего говорить не стал. Не надо при Зое высказывать недовольство работой начальника УВД. Он, мэр Вербицка, сам сделал Игоря Баева, своего давнего близкого друга, начальником городского управления, и для всех они – одна команда. Что, впрочем, полностью соответствует действительности. Не нужно, чтобы зародились подозрения в разладе между ними. Да и нет никакого разлада, просто временные трудности в работе.

В голове у Смелкова включилась кнопка «демократ», он подавил недовольство и раздражение и выдал во внешний мир одну из своих самых располагающих улыбок.

– А вы что скажете на такое предложение, Зоя Григорьевна?

– Гена все правильно говорит, – тут же отозвалась гендиректор зверофермы, – вы не волнуйтесь, Константин Кириллович, мы вам все организуем. Приедете к нам пару раз в рабочем порядке, я вам выделю самого опытного звероведа, который больше меня знает, он вам все покажет, все расскажет, вы все запишете, если трудно будет запомнить. Не захотите звероведа – я сама с вами буду ходить всюду. Как вы скажете – так и сделаем. Лишь бы только помогло, Господи! Я уж готова сама вам шпаргалки написать, только бы польза была!

– Хорошо, – подытожил мэр, поняв, что от затеи со зверофермой и телерепортажем открутиться, пожалуй, не удастся. – Так и решим. Гена, согласуй с Зоей Григорьевной и с моим расписанием время поездки. Когда я буду готов к общению с журналистами, Валентина с ними свяжется.

Валентина была пресс-секретарем мэра. Кнопка «демократ» все еще горела, поэтому первой он упомянул занятость гендиректора, а только потом – свое расписание. Это происходило автоматически, без всякого усилия. Руководящей работой Константин Смелков занимался давно, и осознанная необходимость некоторых вещей столь же давно стала просто привычкой.

Среда

Юрий Коротков с наслаждением вытянул ноги, устроившись в удобном кресле в салоне бизнес-класса.

– Как просторненько-то, – с удовлетворением отметил он, оглядывая заполненный пассажирами салон. – Никогда в таких условиях не путешествовал. А ты?

Настя кивнула, не поднимая головы, – она снимала кроссовки, чтобы надеть толстые носочки, выдаваемые авиакомпанией вместе с дорожным набором.

– Мне приходилось, – сказала она, закончив манипуляции с переобуванием, – но не часто. Спасибо Стасову, он в тех случаях, когда клиент требовал моего присутствия где-то вне Москвы, всегда оговаривал райдер. Модное словечко, его теперь не только к звездам шоу-бизнеса применяют.

– А теперь спасибо твоему братцу, не жалеет он денег на свои затеи, – усмехнулся Коротков. – Ну, давай, рассказывай, делись информацией.

Настя открыла папку, извлеченную из сумки, и почти все время полета пересказывала Короткову то, что успела узнать за день, потраченный на подготовку.

– Значит, опереться нам в Вербицке особо не на кого, – констатировал Коротков. – Сашкин банк, точнее его филиал, начальник УВД и какой-то старый спившийся опер – вот и весь резерв ставки главнокомандующего. В банке нам, конечно, помогут с бытовыми вопросами и с информацией о бизнесе в городе, начальник УВД будет иметь нас в крупном виду и не поможет ничем, это и так понятно. А вот старый опер – ценный кадр, главное, чтобы в запой не ушел. Но он один... Нам бы еще хотя б одного человечка из ОБЭПа и одного спеца по организованной преступности, который знает расклад сил в местном криминалитете. Ну да ладно, что есть – то есть.

– Нужно будет – поищем, дядя Назар обещал поспрашивать в соседних областях.

Самолет совершил посадку в сплошной пелене дождя.

– У тебя зонт есть? – озабоченно спросил Коротков.

– В багаже.

– Вот черт! И у меня тоже. Если будет не рукав, а автобус, поймеем мы с тобой...
Еще не хватало простудиться и заболеть!

– А давай всех пропустим и выйдем последними, – предложила Настя. – Выждем, когда перед нами все спустятся по трапу, и бегом по ступенькам, так быстрее будет, чем тащиться в общей толпе, толпа же всегда тормозит – там и пожилые, и пассажиры с детками или с большими сумками.

Но пассажиров бизнес-класса попросили покинуть самолет первыми, о чем Настя, как водится, совершенно забыла: опыт у нее хоть и был, но действительно небольшой. Внизу у трапа стояли два автобуса и микроавтобус с надписью «VIP». Перед микроавтобусом ждала девушка с зонтиком и с табличкой, на которой под логотипом ВИП-зала красовались фамилии Короткова и Каменской.

– Смотри-ка, – радостно заметил Юра, – это за нами. Во дает твой брательник!

Даже за те несколько секунд, которые потребовались, чтобы спуститься по трапу и подойти к микроавтобусу, они вымокли до нитки под обильными холодными дождевыми струями.

– Водитель ждет вас в ВИП-зале, – мило прощепетала сотрудница аэропорта, – позвольте ваши багажные квитанции.

– Что, и багаж сами принесут? – шепотом осведомился у Насти Коротков.

– Даже не сомневайся, – усмехнулась она в ответ.

Пока доставляли багаж, они успели выпить в ВИП-зале по чашке кофе и познакомиться с водителем, симпатичным добродушным мужчиной по имени Володя, который сообщил, что его прислал банк «АПК», что машина взята в

аренду и будет круглосуточно в их полном распоряжении и что сам он, Володя, доставит их куда угодно, потому что вырос в этом городе, много лет работал в такси и знает здесь каждую улицу и каждый дом, а управляющий филиалом банка «АПК» их ожидает в офисе и готов выполнить любые посильные просьбы и пожелания.

Одним словом, начиналось все совсем неплохо...

Александр Каменский знал, что пытаться переубедить сестру – занятие пустое, поэтому гостиницу организовал именно ту, которую нашла Настя, а вовсе не ту, которую предпочел бы он сам. Он, конечно, выбрал бы для себя маленький, но дорогой элитный отель с апартаментами где-нибудь в зеленой зоне на окраине. Но Настя попросила заказать номера в самом крупном отеле в центре Вербицка.

– Не хочу, чтобы мы были заметными, – объяснила она брату. – Совершенно не нужно, чтобы весь персонал знал, когда мы ушли, когда пришли и кто к нам приходил. Это мешает. Чем больше гостей, тем проще затеряться среди них. И потом, большой отель – много сотрудников, а люди – это главное в нашем деле. Чем больше людей, тем больше шансов найти надежные источники.

Номера Александр забронировал самые лучшие, просторные, двухкомнатные. Оба номера находились рядом, на шестом этаже, в самом конце длинного запутанного коридора – архитектура отеля оказалась весьма затейливой. Более того, между номерами обнаружилась дверь, которую отпирали, когда приезжал какой-нибудь особый гость с пожеланиями иметь апартаменты с двумя спальнями. Тогда оба номера объединялись в один.

– Вам дверь открыть? – вежливо поинтересовался портье, провожавший их до номеров и тащивший багаж.

– Зачем? – пожал плечами Коротков.

И одновременно с ним Настя Каменская ответила:

– Откройте, пожалуйста.

По лицу портье промелькнула скабрзная ухмылочка, дескать, все понятно, приехала парочка командированных, дама собирается воспользоваться предоставленной свободой, а ее спутник явно такую перспективу даже не рассматривает. Но вслух, разумеется, ничего не сказал, достал ключ, открыл дверь, предложил гостям осмотреть номера и убедиться, что все в порядке, халаты и тапочки на месте, все светильники горят, мини-бар полон, вода из кранов течет, окна открываются, после чего с достоинством удалился.

– Зачем тебе дверь? – с недоумением спросил Коротков, когда они остались одни.

– А фиг его знает. – Настя беспечно махнула рукой. – Мало ли, как сложится... Никогда не знаешь, где и с кем нарвешься на неприятную неожиданность. А так мы будем друг у друга под рукой.

– Ты так говоришь, словно мы все еще работаем на Петровке и приехали сюда какое-нибудь кошмарное убийство раскрывать.

– Да я вообще плохо себе представляю, зачем мы сюда приехали и что будем здесь делать. Поэтому на всякий случай... Ладно, переодеваемся в сухое и поедem в УВД, представимся местному руководству.

– А в банк?

– В банк потом, они нас подождут, не переломятся, все-таки мы для них люди самого хозяина. А для начальника УВД мы никто и звать нас никак, и ждать он не будет, а время уже скоро семь.

– Как семь? – ахнул Коротков. – Мы же рано утром выехали...

– Плюс три часа, ты забыл? Нам еще в самолете об этом сказали, я уже и часы перевела. А ты сладко дрых во время посадки и все прослушал.

– Тьфу ты! – с досадой крикнул Юра. – Тогда ты права, поехали в УВД. Еще вопрос, застанем ли мы начальника на месте.

* * *

Слова Насти оказались пророческими: начальник УВД полковник Баев напрочь забыл, что накануне ему звонили из Москвы. Вероятно, звонивший ему высокий чин ни малейшим авторитетом в глазах полковника не пользовался. А может, у начальника УВД других проблем хватало, и держать в голове каких-то командированных отставных милиционеров он и не собирался. Или, как многие начальники, просто делал вид, что забыл, чтобы у гостей не появилось вредных иллюзий насчет собственной значимости. Дежуривший в приемной подтянутый сержант в ладно сидящей полицейской форме доложил по телефону, что прибыли господа Коротков и Каменская из Москвы, и, судя по выражению его лица, из трубки донеслось что-то вроде «Кто такие? Я не вызывал!».

– Вам звонили вчера, – осторожно напомнил сержант.

Вероятно, полковник все-таки вспомнил о звонке, потому что уже через минуту Настя и Коротков перешагнули порог его кабинета. Начальник УВД, грузный, нездорового вида человек, бросил на них взгляд недовольный и одновременно настороженный.

– Слушаю вас. Чем могу помочь?

– Спасибо, Игорь Валерьевич, нам ничего не нужно, – начал Коротков. – Мы сами в прошлом офицеры милиции, работали в уголовном розыске на Петровке, оба полковники в отставке, до полиции не дослужили. И мы понимаем, что никакому начальнику УВД не понравится, если в его город приедут бывшие опера и начнут что-то вынюхивать и собирать информацию. Вы же профессионал, значит, узнаете об этом максимум через два дня. Поэтому мы хотели просто представиться, объяснить цель нашего приезда и ответить на ваши вопросы, поелику таковые у вас появятся.

Заканчивая заранее заготовленную фразу, Юра с трудом сдержал улыбку. Это слово – «поелику» – он освоил совсем недавно, влюбился в него всей душой и употреблял теперь при каждом подходящем случае. И хотя Настя несколько раз по дороге в УВД просила его не выпендриваться и не дразнить гусей, он все-таки не удержался. Они еще загодя решили, что говорить будет Коротков, а Настя помолчит. И вступительную речь отрепетировали в самолете.

– Я могу взглянуть на ваши документы?

Они молча положили на стол перед начальником паспорта и пенсионные удостоверения. Баев внимательно просмотрел их и вернул.

– Так с какой целью вы прибыли в наш город?

– Банк «АПК» хотел бы приобрести участок под строительство большого пансионата для сотрудников сибирских отделений. Разумеется, часть путевок будет реализовываться через коммерческий отдел всем желающим, так что жители Вербицка и любых других городов тоже будут иметь возможность там отдыхать. Нам поручено выяснить, есть ли в окрестностях города подходящие участки, кто их владелец, какова цена и вообще существует ли возможность их приобрести. Кроме того, мы должны прояснить вопрос с рабочей силой, то есть с трудовыми ресурсами, с транспортными коммуникациями, со всей инфраструктурой. Ну и, сами понимаете, немаловажным является криминальная ситуация в городе. Банк крайне не хотел бы оказаться в эпицентре каких бы то ни было разборок. Поэтому, если правовой статус тех участков, которые покажутся нам подходящими, будет вызывать сомнения, банк откажется от намерения строить в Вербицком районе и поищет возможности для организации пансионата в другом месте.

– Под правовым статусом участка вы понимаете...

Баев выжидающе глянул на Короткова. Настю, стоявшую молча, он будто бы вообще не замечал.

– Именно так, Игорь Валерьевич. И сугубо правовую сторону, отраженную в официальных документах, и оперативную информацию, касающуюся наличия интересов преступных группировок. Если мы и попросим вас о помощи, то только в этой части. Думаю, у вас найдутся сотрудники, которые владеют информацией и смогут нас просветить хотя бы в самых общих чертах.

– И это все? – недоверчиво спросил полковник.

– И это все, – твердо ответил Коротков. – А, нет, обманул я вас, не все. Еще у нас просьба от нашего бывшего коллеги найти его товарища и передать ему овеществленный привет.

С этими словами он показал на весьма выразительной формы пакет, который держал в руке. Содержимое пакета недвусмысленно звякнуло.

- Этот товарищ работает у нас?

- Да. Майор Егоров, бывший начальник убойного.

Глаза полковника Баева едва заметно сощурились.

- Бывший, бывший... Знаю такого. И подарок, как я понимаю, тематический. Сами будете искать или помощь нужна?

- Или мы не сыщики? - широко улыбнулся Коротков. - Хоть и бывшие.

И осекся, почувствовав едва заметный тычок локтем.

- Нужна, товарищ полковник, - сказала Настя. - Мы здесь никого не знаем. И даже не знаем, где у вас что находится. Будем благодарны, если нам кто-нибудь посодействует в поисках майора Егорова.

Глаза Баева, когда он посмотрел на Настю, были напряженными, а взгляд тяжелым. Полковник снял трубку, позвонил в дежурную часть, спросил, где Егоров. Оказалось, что майор на месте.

- Убойный отдел в левом крыле, второй этаж, там найдете. Если возникнут проблемы или вопросы - обращайтесь.

- Спасибо, Игорь Валерьевич. Всего доброго.

Сержант в приемной толково объяснил, как пройти внутренними переходами в левое крыло и в каких именно кабинетах второго этажа сидят сотрудники убойного отдела. Выяснилось, что любовь к замысловатой архитектуре была свойственна и тем, кто строил здание УВД. Впрочем, возможно, у проектов гостиницы и этого здания был один и тот же автор.

- И что это было? - сердито спросил Коротков, когда они покинули приемную и двинулись по указанному маршруту. - Мы же договорились, что разговор веду

только я, а ты изображаешь тупого статиста, чтобы не раздражать женоненавистников.

– Юр, не кипятись, – миролюбиво ответила Настя. – Мы договорились никак не давать понять, что мы готовились к поездке. Мы договорились делать вид, что мы правильные, но не сильно умные и ловкие. Именно поэтому мы с тобой решили поставить Баева в известность о том, что нам нужно найти Егорова и передать ему подарок. Чтобы никто потом не удивлялся, что мы вообще с ним знакомы и общаемся. У нас же есть телефон Егорова, мы могли просто позвонить ему. Но в рамках того, что мы правильные, но не сильно ловкие, нам следует именно просить помочь его найти, а не рассказывать Баеву, какие мы с тобой крутые сыщики. И все УВД должно знать, что мы с тобой его искали как обычные люди с улицы. Пусть Баев спит спокойно и знает, что мы давно уже не сыщики и все навыки растеряли, если они у нас и были когда-то.

– Ну давай хоть сейчас этому Егорову позвоним, может, его на месте и нет, вышел куда-нибудь или вообще ушел, пока мы до него добираемся.

– Нет, – Настя помотала головой, – нельзя. А вдруг он не один в кабинете? Не нужно, чтобы кто-то слышал, как он с нами разговаривает, пока мы с ним официально не познакомимся. Какому начальнику понравится, что его подчиненный в обход руководства общается с непонятными людьми из столицы? Только подставим мужика. А так – все официально, с ведома Баева.

В кабинете с табличкой, извещавшей, что здесь находится начальник убийного отдела, они Егорова искать и не пытались, а из остальных дверей открытой оказалась лишь одна. Именно за ней и обнаружился бывший начальник, а ныне старший опер отдела по раскрытию убийств Виктор Егоров. Был он высоким, морщинистым и изможденно-худым, какими частенько бывают сильно пьющие люди. Возраст, если верить дяде Назару, у него был далеко не пенсионный, но выглядел майор стариком. Сидел он развалившись на стуле, в полном одиночестве, и звук быстро задвигаемого ящика стола не оставлял ни малейших сомнений в том, какому занятию Егоров предавался на рабочем месте.

– От дяди Назара? – равнодушно переспросил он. – Ага, ну давайте, проходите.

Содержимое пакета с подарком его удовлетворило, глаза маслено блеснули, он тут же запер изнутри дверь кабинета, достал стаканы и предложил «принять за

знакомство». Настя уклонилась, выразив полную готовность чокнуться с мужчинами кружкой с чаем, а Короткову пришлось принимать огонь на себя, ибо отказываться было никак нельзя.

– До полковников дослужились, – с пьяной завистью тянул Егоров, – конечно, у вас там в столицах-то все проще, народу служит в полиции – тьма, всем места хватает, и звания раздавать не жалко. Когда я пацаном был, генералов в милиции на всю страну было – по пальцам можно пересчитать, а сейчас их в одной только Москве как собак нерезаных. Мне вот ничего уже не светит, так и выйду на пенсию майором. Вам, небось, уже шепнули, что меня с должности начальника отдела выперли, в виде большого одолжения старшим опером оставили в моем же отделе. Народ весь разбежался, работать никто не хочет, все хотят только деньги получать, а убийства раскрывать никому теперь не интересно. А какой может быть интерес, если вон человека обокрали, а он даже заяву не подает, потому что ему размер ущерба – тьфу и три копейки, а я, между прочим, на такие деньги мог бы несколько лет жить как человек.

– Богатые у вас потерпевшие, – заметила Настя. – А откуда же вы узнали, что его обокрали, если он заяву не подавал? Неужто кто-то явку с повинной написал?

– Да прям! – фыркнул Егоров. – Сибиряки, чтобы вы знали, народ упертый, сами никогда не сдадутся, пока их совсем уж в угол не загонишь, да и там еще царапаться будут до последнего. А вон, гляньте, в углу чемодан стоит, вот его и уперли у кого-то. Бомж на вокзале у зазевавшегося пассажира позаимствовал, утащил к себе в норку, а открыть не смог, замок там кодовый. Подручного инструмента, видать, не оказалось, он решил проблему завтра порешать, а сегодня еще попьанствовать, сели они с дружкой за бутылочкой, посидели, выпили, поговорили, потом добавили политуры какой-то, у дружка-собутельника крышу-то и снесло. Приговорил он товарища своего боевого, черепушку ему раскроил, расстроился сильно и заснул тут же. Там его и повязали, прямо на месте. И чемодан забрали. Убивец протрезвел, в душегубстве сознался, а про чемодан ничего сказать не может. Дружок ему похвалился, что, мол, разжился чемоданом, надо бы вскрыть, только аккуратненько, чтобы не покоцать, а то сбыть потом не удастся. А у кого украл, когда украл – ничего не знает. Мы все ждали, что терпила объявится, а его нет и нет.

– И давно нет? – с любопытством спросила Настя.

– Да уж недели три.

– А вы чемодан открыли?

– Ну само собой! А как иначе? Только никаких документов там не оказалось. И вообще ни одного предмета, по которому можно установить личность владельца. Только вещи, одежда там, туалетные принадлежности, короче, стандартный набор командированного.

– Можно, я посмотрю?

– Да смотри, жалко, что ли! Так он и стоит тут в кабинете, все до камеры вещдоков не донесем.

Настя подошла к стоящему в углу чемодану и сразу увидела логотип известного на весь мир бренда. Она примерно представляла себе, сколько может стоить такой чемоданчик. Значит, владелец – человек отнюдь не бедный. Куда же он делся? Почему не заявил о краже? Если сам чемодан и все его содержимое не представляет для него никакой ценности, значит, это человек не просто небедный, а очень-очень небедный.

– Может, его уже в живых нет? – предположила она. – Потому и не заявил.

– Искали. – Егоров допил содержимое стакана и подлил себе еще. – Все трупы в морге перешерстили, не только неопознанные, но вообще все, каждого к этому чемодану примеряли. Никто не подошел.

– А в соседних городах? Может, потерпевший не местный житель?

– Да тоже запросы рассылали, ничего не нарыли. Нет, вот ты представь: если продать этот чемодан и все, что в него напихано, то нормальному человеку вроде меня можно безбедно жить и не работать, а кому-то такие деньжищи – грязь из-под ногтей. И где справедливость?

– Нигде, – вздохнула Настя. – Справедливости вообще нигде нет, а в Москве особенно. Можно, я открою чемодан? Мне просто любопытно.

– Да открывай, мне-то что. Только не умыкни чего-нибудь, – хитро улыбнувшись, добавил Егоров. – Хотя там же все мужское, тебе без надобности. Если что

стянешь – имей в виду, все осмотрено и в опись включено, а опись у меня в сейфе, так что все равно узнаю.

Пока Коротков умело поддерживал разговор об отсутствии в подлунном мире добра, ума и справедливости, Настя положила стоящий на колесиках чемодан на пол и расстегнула молнию. Одежда – джинсы, брюки, джемпера, рубашки, футболки, носки, трусы. Две пары обуви сорок второго размера в бежевых матерчатых мешочках. Домашние тапочки в отдельном пакетике. Шарф, вязаная шапочка. Несессер из натуральной кожи с мужскими туалетными принадлежностями. Бумажник, совершенно пустой. И прочие нужные, полезные, но абсолютно невыразительные предметы.

– Бумажник пустой, – заметила она вслух. – В нем что-нибудь было? Вообще-то странно, что человек возит бумажник в чемодане. Обычно его кладут вместе с документами или в сумку, или в карман. Но уж никак не в чемодан.

Егоров обиженно нахмурился.

– Думаешь, если кругом тайга, так тут все воры? Пустой он был, с самого начала пустой. Я тогда и подумал, что, видать, он с этим бумажником ехал, потом купил себе новый, в него деньги переложил и в карман спрятал, а старый жалко было выбрасывать, вот он его и сунул в чемодан.

– Прости, Витя, не хотела тебя обижать. Просто подумала вслух. Слушай, а что это за разговоры про убитых экологов? Их даже в Москве слышно.

– Да хрень полная! – с досадой произнес Егоров. – Можно подумать, у вас в Москве мокрых висяков нет.

– Есть, конечно, – засмеялся Коротков. – Они всюду есть. Это справедливости нигде нет, а вот мокрых висяков всюду навалом. Так что с экологами-то?

– А тебе зачем? – с подозрением спросил майор. – Ты ж вроде как от банка приехал, а не с проверкой из главка.

– Так именно потому, что от банка! Нам же пансионат строить надо, а какой может быть пансионат в районе с плохой экологией? Это у вас по бумажкам все

чистенько, а раз экологов убивают, значит, они чего-то накопили про экологическую обстановку. Логично?

– Да иди ты со своей логикой! – рассердился Егоров. – Ну, был труп, человек одинокий, ни с кем не общался, никто ничего толком про него не знал. Лежал себе в морге несколько месяцев, никто и не парился, дело давно в архив ушло как нераскрытое, у нас и так работы выше головы, а людей грамотных не хватает. Потом еще один такой же жмур образовался, баба, похоже было на разбой с убийством, при ней сумки не нашли. Тоже не раскрыли. И вдруг где-то пару месяцев назад всплывает информация, что оба эти трупа, пока еще живыми были, интересовались вопросами экологии и в свободное от основной работы время подвизались в какой-то лаборатории. Где эта лаборатория, что это за лаборатория – никто не знает. Народ шуметь начал, пресса бурно отреагировала, на мэра волну погнали, ну и начальник наш, Баев, тоже задержался, потому что его мэр нынешний привел, и если мэра на новый срок не выберут, то и Баева выкинут к чертям. Короче, Баев нам всем тут хвоста накрутил, все бросились как угорелые дела из архива поднимать. А тут пресса нам выкидывает очередной подарочек: якобы год назад еще одного эколога-любителя грохнули, тоже не раскрыто. Проверили – и правда, был такой труп. Итого трое, получается. И вот прямо на днях приходит в дежурку тетка какая-то и приносит письмо, которое по ошибке ей в почтовый ящик кинули. Адресовано оно недавно убитому кренделю, про которого вообще все забыли, потому что в последние два месяца ничем, кроме экологов этих, никто не занимается. А из письма следует, что он тоже в этой загадочной лаборатории пробавлялся какими-то исследованиями. И якобы прям они там такого накопили, что все под суд пойдут.

– Хреново, – протянул Коротков. – Четыре убийства. Экологи. Да накануне выборов.

– Ну! А я о чем?! Мне-то фиолетово, кого в мэры выберут, мне что при Баеве, что при любом другом начальнике дороги нет. Выгнать – не выгонят, работать некому, а карьера моя и так давно закончилась. Так что я этими убийствами не заморачиваюсь, пусть те, кто хочет перед начальством выслужиться, задницы рвут, им вверх двигаться надо, а мне по барабану. Я потихоньку свое рутинное дело делаю, бытовые убийства оформляю, всяких душегубов, которые за мобильник или за кошелек людей мочат, отлавливаю, это у меня пока еще хорошо получается.

Он горько усмехнулся и снова потянулся к бутылке.

Коротков поднялся и стал натягивать куртку.

– Спасибо тебе, Витя, за гостеприимство, – тепло произнес он. – Я так понимаю, оперативные позиции в городе у тебя крепкие, так мы обратимся, если что? Не возражаешь?

– Обращайтесь, – кивнул майор Егоров. – Друзья дяди Назара – мои друзья. Слышь, Настя, а мне про тебя дядя Назар рассказывал. Только я думал, ты старше.

– Да ладно, – засмеялась Настя, – я уже древняя старуха, пенсионерка. Лет на десять старше тебя.

– Иди ты! – неподдельно изумился Виктор. – А выглядишь... Вот что значит – в Москве жить.

– Вить, – Коротков понизил голос, – Москва тут ни при чем. Просто она не пьет. Совсем. Ничего. Потому и выглядит хорошо. Не то что мы с тобой. А разве настоящий опер может быть непьющим? Вот то-то и оно. Так что мы с тобой – заложники призвания, а Настюха у нас так, примазавшаяся.

Виктор тоже поднялся и быстро прибрал стол, оставив его во вполне приличном состоянии.

– Я тоже пойду, пожалуй, нечего мне сегодня тут отсиживать.

– Подвезти? – предложила Настя.

– Да нет, я пешочком, мне тут недалеко.

Из здания УВД вышли втроем, на крыльце распрощались. Теперь можно было и в банк ехать.

* * *

Полковник Баев стоял в своем служебном кабинете у окна, курил и смотрел, как на крыльце московские гости прощались со старым пьяницей Витькой Егоровым. Загасил окурок и взял со стола мобильный телефон.

- Петя, надо встретиться, - глухо проговорил он. - Ты где сейчас? Дома? Ладно, я подъеду.

Через полчаса машина начальника УВД въезжала в ворота участка с симпатичным особняком на окраине города. Хозяин дома - один из самых состоятельных людей Вербицка, Петр Сергеевич Ворожец, невысокий, худощавый и вообще какой-то хлипкий, ждал на дорожке перед домом, играя с двумя лабрадорами, крупной породистой сукой и полугодовалым щенком.

От предложения поужинать Баев отказался, и хозяин пригласил его в кабинет. Рассказ о москвичах много времени не занял.

- Кривые они ребята, ох, кривые, - подытожил полковник. - Партию разыграли как по нотам, мужик выступал, баба молчала, типа она не при делах и вообще ее сюда в качестве любовницы взяли. А у самой глаз острый, вся как струна натянутая, и как только мужик чуть-чуть оступился - сразу поймала момент и исправила. Не нравятся они мне.

- Да брось ты! - беззаботно рассмеялся Петр Сергеевич. - Чего тебе бояться? Что тебе этот банк «АПК»? Знаю я, вполне приличный банк.

- Да лажа это все, Петя! Банк - это прикрытие, неужели ты до сих пор не понял? Это либо из главка ребята с липовыми пенсионными ксивами, либо вообще из ФСБ. Экологи эти, будь они неладны... Уже и до Москвы дошло. Теперь не отмоемся.

- Думаешь? - Петр Сергеевич озадаченно потер пальцами лоб. - А ты у Ананьева спрашивал?

Ананьев был начальником управления ФСБ по Вербицку, и полковник Баев поддерживал с ним нейтральные, но вполне дружественные отношения.

– Так он и скажет, дожидайся. Но я разговор завел, почву прощупал, он в отказе полном. Чего и следовало ожидать. Петя, нужна твоя помощь.

– Конечно, – с готовностью отозвался Ворожец. – Не вопрос. Что нужно?

– Пригласи этих москвичей к себе пожить дня на три-четыре, присмотришь к ним, послушай, о чем говорят, обрати внимание, как ведут себя. Войди в доверие, информацию подай, как надо. Ну, короче, ты понял, не в первый раз. Я должен точно понимать, зачем они приперлись к нам и что собираются здесь вынюхивать.

– Ты обалдел, что ли?! С какого перепугу я буду приглашать людей, которые меня знать не знают? Да они пошлют меня сразу же, и правильно сделают. Я бы на их месте тоже отказался.

– А ты, Петенька, пригласи так, чтобы они не отказались, – вкрадчиво проговорил полковник. – Ты же умеешь, я не сомневаюсь. Ты что, не понимаешь, что выборы на носу? Забыл, чем все может кончиться, если Костя не пройдет на второй срок? Да мы с тобой костями должны лечь, чтобы этого не допустить! Это не только Косте нужно, это и нам с тобой нужно не меньше, чем ему.

– Не меньше, говоришь? – Глаза бизнесмена сузились в злобном прищуре. – А почему тогда ты один приехал меня просить об одолжении? Где же наш любимый друг Костенька? Замараться боится?

– Ну перестань. – Баев заговорил мягко, как мудрый дедушка с неразумным внуком. – Что ты, как малыш в песочнице, право слово... Ты же прекрасно понимаешь, что накануне выборов Костя не может открыто наносить частные визиты представителям бизнеса, это неправильно. Мы с ним еще вчера говорили о москвичах, и он сам попросил меня обратиться к тебе, но я решил сперва дождаться этих гостей, чтобы посмотреть на них. Вот, посмотрел и пришел к выводу, что без твоей помощи нам не обойтись. Костя тебя просит. И я тебя прошу. Конечно, Костя мог бы позвонить тебе, но вопрос стрёмный, не надо его по телефону обсуждать. Если это действительно ФСБ, то не исключено, что и Костин, и мой телефон уже слушают.

Ему противно было унижаться и просить, но иного выхода он не видел. Конечно, Петьку можно понять, они ведь друзья с детства, со школьных времен, всегда

были вместе, всегда друг друга поддерживали и выручали. Но Петькина жизнь сложилась не так благополучно, вернее – благопристойно, как жизни Костика и его, Игоря. По благополучности-то он своих друзей давно обогнал, это понятно. Петя Ворожец с молодых ногтей связался с криминалом, в девяностые даже отсидел, правда, не очень долго, но все равно... И бизнес свой построил на грязных деньгах. И до сих пор закон нарушает, в этом полковник Баев не сомневался. Но нарушает по-крупному и умно, не мелочится и не беспредельничает. Баев, заняв должность начальника Вербицкого УВД, поступил честно – предупредил Петра: если лажанешься – прикрыть не смогу, так что ты уж постарайся, а если что – не обижайся на меня. А вот Косте не хватило не то душевных сил, не то мудрости открыто поговорить с другом, он просто официально дистанцировался от Петра, хотя и продолжал общаться с Ворожцом, приезжал к нему в гости, постоянно звонил и всячески изображал дружбу в узком кругу. Однако на праздничных приемах в мэрии, куда приглашали деловую элиту города, Петра Ворожца, владельца Вербицкого химкомбината и большого числа предприятий помельче, не видели. А ведь весь город знает о давней дружбе бизнесмена с мэром. И уже в определенных кругах пошли смутные слухи... Само собой, Петьке это все не нравится. Ему обидно.

Но какое значение имеют такие детские глупые обидки, когда у троих взрослых мужчин есть объединяющая их цель?

Ах, как плохо... как все плохо...

– Ладно, не расстраивайся. – Щуплый Ворожец покровительственно похлопал массивного Баева по плечу. – Сделаю я все, что надо, раскручу твоих москвичей, на молекулы и атомы разложу. Ты прав, Игореха, не следует нам рядиться и ведерки с песочком друг у друга отбирать, мы все трое одной цепью связаны. Сделаю. Я ж понимаю, это Генка Лаевич, хлыщ патлатый, ему в уши дует, против меня настраивает. Костика успокой, скажи: никаких обид. Он должен выиграть выборы. И наша с тобой задача – ему помочь. У Димки день рождения скоро, соберемся, как обычно, посидим, все будет как раньше. Ведь соберемся?

Он вопросительно посмотрел на полковника.

– Обязательно соберемся. Димка – это святое.

Петр Сергеевич открыл бар и прикоснулся пальцами к горлышку бутылки виски.

– Ну что, по чуть-чуть?

Баев отрицательно покачал головой и поднялся с кресла.

– Поеду я. Устал. Завтра день тяжелый.

– Как знаешь. Пойдем, провожу.

Дорога от особняка Ворожца до улицы, где жил полковник, пролегла мимо храма. И, как всегда в последние месяцы, при виде увенчанных крестами подсвеченных куполов Баев ощутил болезненный толчок в сердце.

Зайти... Покаяться...

Нет. Нельзя.

* * *

Съеденный в гостиничном ресторане ужин тяжелым комом лежал в животе, и Настя Каменская кляла себя за то, что поддалась на провокацию Короткова, уговаривавшего ее непременно отведать знаменитых сибирских пельменей с мясом и лесными грибами. Порцию принесли огромную, ей хватило бы и одной трети, но, к сожалению, пельмени оказались дивно хороши, и когда Настя спохватилась, метаться оказалось уже поздно, а дышать – трудно. Не помогло ни запивание травяным чаем, ни даже рекомендованный все тем же всезнающим Коротковым глоток водки. Вкусные сибирские пельмени никак не желали перевариваться и дать Насте покой.

Визит в банк надолго не затянулся, управляющий записал все их просьбы, куда-то позвонил и договорился, что на следующий же день их примут в Кадастровой палате, где покажут карту со всеми доступными участками. В Вербицкэнерго их тоже примут и ответят на все вопросы, так же как и в Вербицкводоканале и департаменте природопользования.

Настя и Коротков договорились выезжать назавтра в десять утра, а в девять встретиться и пойти позавтракать. Поставив будильник на 8 часов, Настя с наслаждением приняла душ, долго стояла под горячей водой, с удивлением

замечая, что почему-то не может согреться. Ее все время познабливало. С неудовольствием отметила, что полотенце совсем новое и оттого пока еще плохо впитывает воду. Зато халат оказался именно таким, как она любила: длинным и на пару размеров больше, чем нужно. В такой халат так удобно уютно завернуться, и как бы ни села – ноги не высовываются и не мерзнут. Побродив еще несколько минут по просторному номеру, Настя открыла окно и забралась под одеяло, мечтая о сладком крепком сне.

Но не тут-то было. Окна и гостиничного ресторана, и ее номера выходили на одну сторону. А в ресторане гуляла свадьба. Широкая, щедрая, веселая. С размахом такая свадьба. Звуки джаз-банда и голоса профессиональных исполнителей, певших со сцены, сменялись нестройным, но зато громким хоровым пением, взрывы смеха перемежались взрывами петард. Настя вздрагивала, ворочалась в постели, натягивала одеяло на голову, но все равно уснуть не могла. Встала, закрыла окно. Стало вроде потише, но через какое-то время она поняла, что ей душно. Снова открыла окно.

Через полтора часа тщетных попыток погрузиться в сон она встала, закуталась в халат и осторожно подошла к двери, ведущей в номер Короткова. Приоткрыла ее, стараясь не издавать лишних звуков, прислушалась. Со стороны спальни доносился мощный храп. Юрка спал как убитый, хотя ресторанные шумы доносились сюда точно так же хорошо. «Дала же природа некоторым людям умение спать в любой обстановке, – с завистью подумала она, – а меня обделила».

Вторая попытка заснуть тоже закончилась полным провалом, Настя встала, включила свет и уселась за привезенный с собой ноутбук. «Наверное, мне не шум мешает спать, а мысли», – рассеянно думала она, вводя в поисковик название «Ларри Соррено», – логотип именно этого бренда красовался на загадочном чемодане и почти на всех предметах, находящихся внутри его. Про фирму «Ларри Соррено» Настя знала только одно: продукция ее славится своей немислимой дороговизной. А вот на вид – ничего особенного, неярко, не изысканно, одним словом – совсем обычно. Может, она чего-то не понимает? Вкуса у нее нет, что ли? Или вообще не разбирается в дорогих вещах? Впрочем, откуда ей иметь такие знания и умение разбираться? Но все равно хочется понять, что в этих вещах такого особенного и почему они при внешней невзрачности стоят таких безумных денег.

Официальный сайт оказался на итальянском языке, ибо фирма была миланской, но это Настю Каменскую ничуть не смутило: итальянский язык она знала очень неплохо еще с детства. Вооружившись очками для чтения, она погрузилась в изучение истории семейного бизнеса Соррено, начавшегося еще в конце девятнадцатого века. Секрет дороговизны изделий прояснился весьма скоро: основатель бренда Ларри Соррено сделал ставку на износостойкость своего продукта, начинал он с дорожных кофров, саквояжей и сундуков, и все это, благодаря изобретениям его брата-химика, долгие годы сохраняло товарный вид. Постепенно ассортимент расширялся, внук основателя производил уже не только сундуки и кофры, но и сумки, портмоне, кошельки и портфели. В начале шестидесятых годов двадцатого столетия очередной Соррено взялся за производство одежды, но это было чистым баловством: сделать ее ноской и долговечной не удалось, и эта часть бизнеса, хотя и сохранилась до нынешнего времени, особого развития не получила. Зато к сегодняшнему дню наличествовал широчайший выбор сумок и портфелей всех мыслимых и немыслимых размеров и целевой принадлежности, кошельков, косметичек, несесеров, ремней, папок, обложек для всевозможных гаджетов, ну и, само собой, чемоданов, от самых маленьких до поистине огромных. А девизом бренда стала фраза: «Наш товар вы можете использовать долгие годы и подарить своим правнукам, он будет как новенький».

Разобравшись с историей вопроса, Настя полезла в каталог прошлого сезона. Цены ее просто убили. Это какие же бабки нужно было вгрохать в затею наполнить целый средних размеров чемодан вещами такой безумной стоимости! Просто даже интересно... Виктор Егоров сказал, что если все продать, то можно несколько лет жить безбедно. Неужели правда? Или он просто так ляпнул, для красного словца?

Она достала из лежащего на письменном столе бювара чистую бумагу и приготовилась записывать стоимость. Чемодан, тот самый, который стоял в кабинете у Егорова, вернее, точно такой же, обнаружился сразу, цена была проставлена в евро, в рублях же цифра получилась ошеломительной, а ведь если покупать в России, то выйдет существенно дороже. Больше ничего в каталоге коллекции 2013 года найти не удалось. Настя ушла в каталог предыдущего, 2012 года, пытаясь как можно точнее вспомнить, какие именно предметы она видела в чемодане, потом перешла к 2011-му, потом к 2010-му... Наметилась кое-какая система, не очень четкая, конечно. Все, что ей удалось вспомнить и идентифицировать по каталогам, относилось к коллекциям разных лет, самым ранним оказался брелок для ключей – его Настя нашла в каталоге 1992 года, в 1994 году было, судя по всему, приобретено то самое портмоне, которое

обнаружилось в чемодане совершенно пустым. «Двадцать лет прошло, – подумала она, – а выглядит, будто только вчера из магазина, ни пятнышка, ни единой потертости, ни царапинки!» Маленький несессер с аккуратно уложенным набором ниток и иголок относился к 1996 году, а вот несессер побольше, в котором, как она помнила, лежали станок для бритья, флаконы с пенкой, шампунем, гелем для душа и мыльница, выпускался в 1998 году. Брючный ремень – 2003-м, джинсы – 2008-м, шапочка и шарф – 2009-м...

Выстроив содержимое чемодана в хронологическом порядке, она обратила внимание, что стоимость покупок неуклонно возрастала из года в год. Человек становился все более состоятельным и мог позволять себе все более дорогие вещи. Но при этом не менял старые предметы на новые. Собственно говоря, зачем их менять? Они в прекрасном состоянии, и если верить девизу фирмы, еще правнукам владельца исправно послужат. С другой стороны, у богатых свои причуды, и Настя Каменская отлично знала, какое количество людей покупают вещи не потому, что старые пришли в негодность, а исключительно потому, что это «новая коллекция». Носить сумку, туфли или шубу из прошлогодней коллекции в определенных кругах считается неприличным. Такой подход всегда казался Насте верхом идиотизма, но он существовал, и с этим приходилось считаться.

Однако человек, которому принадлежал украденный чемодан, к упомянутому кругу явно не относился. Он просто любил вещи Ларри Соррено и регулярно покупал их, сообразуясь с собственными доходами. Заработал – купил. Заработал побольше – купил подороже. Одним и тем же несессером он пользовался без малого два десятка лет, брючным ремнем – десять лет, джинсы «Соррено-мен» носил как минимум лет пять. Интересно, а что он покупал в другие годы? Наверняка обложку для паспорта, сумку для ноутбука, футляр для очков, папку-обложку для айпада, портфель, футляр для ключей, визитницу для кредитных карт... Всего этого в чемодане не было. Но наверняка было в сумке, которую владелец чемодана держал в руке. Компьютер, гаджеты, деньги, документы, ключи и очки – всегда с собой, чтобы были под рукой.

Слушая рассуждения майора Егорова и глядя на чемодан, Настя представляла себе эдакого полукриминального типа, внезапно разжившегося огромными шальными деньгами и решившего экипировать себя для поездки в самом дорогом магазине. Пришел и одним махом все закупил. И почувствовал себя кумом королю, по меньшей мере. Денег он хапнул столько, что даже эти колоссальные траты выглядели каплей в море, поэтому, когда чемодан сперли,

он не стал заморачиваться обращением в полицию. Самое ценное и трудновосполнимое – документы, ключи, кошелек и кредитки – не пропало. А все остальное он снова купит. Кроме того, он мог опасаться, что полицейские вполне обоснованно начнут интересоваться: откуда это у него такие деньги появились? Может быть, он – фигура, хорошо знакомая оперативникам, и продемонстрировать им внезапно и необъяснимо возросшее благосостояние глупо и неосмотрительно. Еще тогда, в кабинете у Егорова, Настя хотела спросить, не было ли в Вербицке или вообще в области в последнее время крупной кражи, ограбления или финансовой аферы. Хотела – и не спросила. Неловко ей стало. Получилось бы, что она такая умная, из самой Москвы приехала местных оперов работе учить. Наверняка Егоров сам до всего додумался и тысячу раз все перепроверил.

Теперь же она радовалась, что промолчала. Потому что хозяин чемодана выглядел, по ее представлениям, совсем иначе. Спокойный, рассудительный человек, не гонящийся за модой, не тусующийся в гламурных кругах, а если и тусующийся, то абсолютно и категорически плюющий на принятые в этих кругах правила. Очень «сам по себе». Любящий и ценящий свой жизненный путь, свою карьеру, бережно хранящий память о каждом этапе, о каждой ступени.

Но тогда почему же он не обратился в полицию с заявлением о краже? Если ему так дороги эти вещи, если каждая из них обозначает определенную веху в его финансовом достатке, в его карьере, то почему до сих пор не объявился? И вот еще пустой бумажник... Тоже смущает. Если он не склонен менять старые, хорошо сохранившиеся вещи на новые, то зачем купил новый бумажник, когда старый в отличном состоянии? Впрочем, у данного факта может быть простое и очевидное объяснение: кто-то очень близкий и дорогой, например, мама или жена, подарил человеку новый бумажник, и чтобы не обижать дарителя, приходится пользоваться подарком. Ну ладно, допустим. Но зачем тогда возить старый бумажник в чемодане? Лежал бы себе дома в тумбочке... И снова ответ прост и понятен: подарок сделан во время пребывания в командировке. Например, командировка длительная, а тут день рождения случился, жена или любимая женщина приехала к имениннику на денек, поздравить и вручить подарок. Или, как вариант, у хозяина чемодана сделался пылкий роман здесь же, в Вербицке, если он приехал из другого города, или в другом городе, если сам он из Вербицка, и новый бумажник – подарок новой возлюбленной. Одним словом, пустой бумажник в чемодане объяснить легко. А вот отсутствие заявления о краже этого самого чемодана – трудно.

Ответ показался ей очевидным: хозяина чемодана действительно нет в живых. И тот факт, что среди умерших и погибших его не обнаружили, ни о чем не говорит. Искали-то в судебно-медицинском морге, а он мог умереть в любой из больниц Вербицка. Обнаружил кражу чемодана, стало плохо с сердцем или инсульт хватил прямо там же, на вокзале, упал, приехала «Скорая», увезли в стационар, а человек умер, не приходя в сознание. И никому не успел рассказать о краже. Надо будет все-таки спросить у Егорова как-нибудь аккуратно и необидно, проверяли ли они морги городских больниц.

Хотя зачем? Что ей этот чемодан и его владелец? Она приехала участок под строительство искать. Ну и в качестве факультативного развлечения, может быть, если сильно повезет, ей разрешат чуть-чуть поковыряться в деле об убитых экологах. А кража чемодана и убийство бомжем своего собутыльника к делу ни малейшего отношения не имеют. Это она просто себя занимает видимостью работы, чтобы убить время, пока утихнет громкая разгульная свадьба, окончание которой, казалось, не наступит никогда.

Ей стало грустно. Она так любила свою работу! То, чем ей приходится заниматься сейчас, в частном детективном агентстве Владислава Стасова, нравится ей куда меньше. Разумеется, свою новую работу она делает добросовестно, порой даже душу вкладывает, и иногда – хотя редко-редко – даже бывает интересно, но... Это не то. Все не то. И не так.

Настя чихнула и полезла в сумку за пачкой бумажных платков. Пока искала их, чихнула еще два раза. Как только она оторвалась от компьютера, мозг вновь обрел способность контролировать тело, и результаты контроля немедленно выдали три факта, один хуже другого: ее до сих пор познабливало, заложен нос и противно царапает в горле. «Приехали, – зло подумала она. – Вот только простуды мне сейчас не хватало! И когда успела-то? Вымокла до нитки между салоном самолета и микроавтобусом? Да ерунда полная! Ну вымокла... В первый раз, что ли? Правда, после этого довольно долго пробыла в мокрой одежде, и пока кофе пили, сидела, кажется, под самым кондиционером... Дура! Ну какая же я нелепая дура!»

От злости на саму себя невольно выступили слезы. Отлично! Расплакаться сейчас – самое оно! И без того нос заложен, а если разревется, так и вовсе дышать нечем станет. И вообще, тетка пенсионного возраста плачет в номере гостиницы в чужом далеком городе... Мелодрама дешевая! Настя сердито помотала головой и решила все-таки лечь в постель. Свадьба, кажется,

рассасывается, громких звуков уже намного меньше. Есть надежда, что удастся уснуть, она поспит хотя бы часа три и встанет бодрая и веселая. Купит в аптеке какой-нибудь спрей для носа, а горло само пройдет, оно жить не мешает.

Она поплотнее закуталась в одеяло, положила на ухо вторую подушку. Перед глазами продолжали мелькать картинки из каталогов Соррено – бесконечные кошельки, сумки, портфели, чемоданы, обложки...

Четверг

Когда зазвенел будильник и Настя Каменская открыла глаза, ей показалось, что она и вправду чувствует себя намного лучше. Во всяком случае, поход в душ и процесс одевания дались ей без особых затруднений. Ровно в девять, как и было договорено, она открыла смежную дверь и вошла в номер Короткова. Юра, вполне свежий и выспавшийся, сидел в кресле и щелкал пультом, переключая каналы в телевизоре.

– С добрым утром! – весело сказала она.

Вернее, хотела сказать. Потому что сказать не получилось. Ни весело, ни грустно. Вообще никак не получилось. Губы и язык произвели все положенные к случаю манипуляции, а вот из горла вместо звуков вырвался невнятный сип.

Юра с ужасом посмотрел на нее.

– Это что такое?! – почти закричал он. – Ты что, заболела? Ты себя в зеркале вообще видела?

– Видела, – просипела Настя, но, почувствовав сильную боль в горле, замолчала и просто кивнула. Потом добавила еле слышным шепотом: – Когда умывалась. В зеркале все было очень прилично.

Шепотом говорить было не так больно, даже почти совсем не больно.

Коротков вскочил с кресла, схватил ее за руку и подвел к зеркалу в своем номере. То, что Настя там увидела, было как-то не очень похоже на отражение, которое она созерцала у себя в ванной. Лицо оказалось значительно бледнее и отдавало в зеленцу, под глазами непонятно откуда (ведь их еще полчаса назад не было!) появились темные круги, и вообще... Приличным людям такое показывать нельзя, это однозначно.

- Ох-ты-горе-ты-мое! - на выдохе произнес Коротков, качая головой. - А знаешь, почему все так вышло? Потому что ты не пьешь! Дернула бы вчера у Егорова полстакана, и никаких болезней не было бы. Вот с меня пример бери. Я ведь точно так же промок, но принял профилактические меры - и как огурчик.

Он задумался на пару секунд, потом с сомнением посмотрел на нее.

- До ресторана-то доковыляешь? Или позвонить и заказать завтрак в номер?

Настя, не полагаясь на речевой аппарат, постаралась лицом и руками изобразить полную готовность самостоятельно спуститься на завтрак.

- Ну, смотри сама. Если что - подавай сигнал сразу, я тебя в номер верну и попрошу еду сюда принести.

Есть ей не хотелось совсем, но бросить Короткова и оставить без компании не хотелось еще больше. И вообще, надо позавтракать, потому что они ведь поедут по делам и когда смогут пообедать - неизвестно.

Шведский стол в ресторане не поразил их воображение разнообразием блюд, выбор оказался невелик, но зато всего было много. И все оказалось очень вкусным - и рисовая каша, и копченая рыба, и блины, и сосиски, и яичница. По крайней мере, именно так утверждал Коротков, который набрал себе всего понемногу. Настя, с трудом преодолевая отвращение, которое вызывал у нее вид еды, ограничилась двумя чашками кофе и круассаном. Круассан был воздушным, хрупким и невероятно вкусным, с шоколадным кремом внутри.

Юра ел с аппетитом и то и дело поглядывал на нее.

– Совсем ты плоха, матушка, – вынес он, наконец, вердикт. – Никуда не поедешь, сейчас я тебя отведу в номер, разденешься и ляжешь. И будешь лежать, пока не обретешь человеческий облик.

Настя попыталась что-то возразить, но в ресторане было полно людей, и за гулом их голосов Коротков вряд ли смог расслышать ее слабый шепот. Она почувствовала себя какой-то беспомощной и еще почему-то несправедливо обиженной. На этот раз удержаться от слез ей не удалось.

– И не реви, – строгим голосом велел Юрий. – Реветь совершенно не о чем. Сейчас придет машина, я мигом сгоняю в аптеку, куплю все, что нужно, и будешь интенсивно лечиться, отряжаю тебе на болезнь два дня максимум, сегодня и завтра. Послезавтра должна быть на ногах, все поняла? Землеустройство, энергетические сети и водоснабжение – это в любом случае не твое, ты в этом ничего не понимаешь, в отличие от меня. Так что с этими вопросами я сам разберусь, а ты лежи и лечись. Я тебе Иркино расписание запишу, тебе задание – поймать ее в скайпе и требовать доклад, как они там без меня справляются. Все поняла?

Настя снова кивнула, молча вытирая бумажной салфеткой скатывающиеся по щекам слезы. Ей было стыдно плакать в общественном месте, но она ничего не могла поделать, слезы лились сами, слезы злости на себя и обиды на обстоятельства. Мало того, что ей не удалось выспаться из-за этой дурацкой свадьбы, так еще и заболела... И Юрку подвела. И теперь плачет у всех на глазах в ресторане, позорит и себя, и его. И почему-то с каждой минутой чувствует себя все хуже и хуже, а ведь, когда проснулась – была очень даже ничего.

– Ну? – Коротков посмотрел на нее в полном недоумении и отправил в рот свернутый в несколько раз блин. – Чего ты реवेशь-то? Подумаешь, сопли! Большое дело! В первый раз, что ли?

И ведь не ответишь ничего... Настя беспомощно оглядела стол в поисках ручки и бумаги, ничего, естественно, не нашла и схватилась за телефон. Быстро набрала текст и отправила Короткову, телефон которого через пару секунд издал знакомое блямканье.

– От тебя, что ли? – усмехнулся он, вытаскивая из нагрудного кармана рубашки мобильник. – Ну-ну, почитаем, полюбопытствуем.

Цитата из старого, хорошо знакомого фильма заставила ее улыбнуться сквозь слезы.

– Я никчемная, – начал вслух читать Юрий, – я беспомощная дура. Я для тебя обуза.

С непроницаемым видом он убрал телефон и приступил к кофе со слоеными пирожками.

– Вкусно, – констатировал Коротков, – зря не ешь. С яблоками, между прочим. Значит, так. По поводу твоего высказывания: все, что ты тут понаписала, – наплевать и забыть. Глупости обсуждать – только время зря тратить, жизнь и так короткая. А вот за идею написать эсэмэску хвалю, молодец, что додумалась. Поскольку ты пока без голоса и по телефону разговаривать не можешь, будешь слать мне сообщения, поняла? Нужно что-то – ты написала, я позвонил куда следует, тебе принесли. Вот таким порядком и будем действовать. Ирке я тоже напишу, чтобы она не удивлялась, когда ты до нее дозвонишься, а четко и быстро доложила тебе обстановку. Пусть Анютку тебе покажет обязательно, посмотри, нет ли у нее диатеза, ей шоколад нельзя, но она любит его до умопомрачения, и Ирка, добрая душа, не может устоять, когда ребенок просит. Дает тайком от меня. Поняла?

Мимо их столика пробежала хорошенькая официантка с подносом, на котором стояли два кофейника и маленькие кувшинчики с молоком.

– Красавица! – окликнул ее Коротков.

Девушка поставила кофейники гостям за соседним столиком и подошла к ним.

– Слушаю вас. Вам что-нибудь принести?

– Нет, нам только сказать. – Коротков весело подмигнул ей. – Есть ли в вашем благословенном отеле доктор или хотя бы медсестра?

– Конечно, у нас медпункт, там круглосуточно дежурит врач, – сообщила девушка, улыбнувшись в ответ. – И на первом этаже, сразу за банкоматом, аптечный киоск.

– Во! – обрадовался Коротков. – И в аптеку ехать не надо, все здесь купим.

Он посмотрел на часы:

– Тридцать пять минут десятого, у нас почти полчаса на то, чтобы порешать проблему. Пошли, хватит питаться.

Он отодвинул стул и потянул Настю за руку. Через десять минут ее, уже переодевшуюся в гостиничный халат, осматривал врач – пожилая румяная женщина, похожая на добрую бабушку с рекламного плаката молочной продукции.

– Все отечное и воспаленное, – проговорила она, исследовав Настино горло и выслушав фонендоскопом бронхи и легкие, – махровый ларингит, но вниз пока не спустилось. Так что, деточка, будем давить вашу простуду, пока она наверху. Дайте-ка я еще носик ваш как следует посмотрю.

Понажимав на какие-то точки вокруг носа и под глазами, доктор удовлетворенно кивнула.

– Есть хорошие шансы. Вы к народной медицине как относитесь? Или химию предпочитаете?

Настя схватила приготовленные заранее листок бумаги и ручку и написала: «Мне все равно, мне надо быстро поправиться и работать».

– Ничего нового, – усмехнулась бабушка-доктор, прочитав записку, – здесь же отель, все приезжие, у всех дела, всем некогда, и все хотят побыстрее поправиться. Значит, так, юноша. – Она повернулась к Короткову, который стоял здесь же, деликатно отвернувшись к окну. – Я вам дам списочек, у нас внизу в аптечном киоске все есть. Настойки из таежных трав, эфирные масла, сухие травы, порошочек. Попросим девочек, чтобы принесли термос с кипятком. А вы, деточка, будете заваривать травки, добавлять настойки, я напишу, по сколько

капель. Одно будете пить, вторым нос промывать, третьим горлышко полоскать. Компрессы с эфирными маслами – на область шеи, девочки вам принесут маленькие полотенчики льняные и полиэтиленовые пакеты, будете оборачиваться и весь день в них ходить, менять раз в три часа. И молчать хотя бы до вечера. А лучше бы до завтрашнего утра. Острого, соленого, копченого не кушать. И после полоскания горла минимум полчаса ничего не пить и не есть.

Она давала инструкции и одновременно быстро писала неразборчивым «врачебным» почерком.

– Вот. – Доктор протянула листок Короткову. – Делать строго, как я написала, все соблюдать, и я вам гарантирую, что послезавтра ваша девушка будет бодра и весела. Она у вас как, дисциплинированная?

– Вы даже не представляете, до какой степени, – усмехнулся Коротков.

– Ну и славно. Я зайду часика в три, проведу, послушаю, главное – не допустить, чтобы процесс начал спускаться вниз, в бронхи и в легкие. Если что-то пойдет не так – сделаю укольчик. Одним словом, юноша, поезжайте по своим делам, работайте спокойно, мы тут вашу девушку присмотрим. Девочки у нас в отеле хорошие работают, заботливые, я на ресепшене всех предупрежу, чтобы кипяточком обеспечивали регулярно, объясню, что девушка у нас без голоса, так что стучаться в номер не нужно, все равно ответа не дождутся, пусть просто входят. И по телефону не звонят. Меню принесут, обед в номер подадут.

При словах об обеде Настя иступленно замотала головой, мысль о еде вызывала ужас.

– Что, не хочется? – засмеялась бабуля-доктор. – Это сейчас. А потом захочется. Да и надо. Кашку, например, овсяную, или картошечки, суп-пюре тоже хорошо. Только не забудьте – не острое, не соленое и не копченое. Горлышко надо пока поберечь.

Когда Коротков принес из аптечного киоска и расставил на большом журнальном столе все предписанные врачом бутылочки, коробочки и пакетики, Настей овладело отчаяние. Юра умчался, а она сидела на диване, обхватив себя руками и раскачиваясь, тупо смотрела на длинную врачебную пропись и твердила про себя: «Я не смогу. Я не смогу. Я никогда не поправлюсь».

* * *

Если и был на этом свете человек, которого люто ненавидела Алена Арканова, старший редактор телепрограммы «Персона», идущей раз в неделю на местном телеканале, то таким человеком была шеф-редактор той же программы Мила Милановская. Вообще-то она никакая не Милановская на самом деле, а Милюкова, и зовут ее, если по паспорту, Камиллой, но разве ж это звучит? Камилла Милюкова... И это у человека, работающего на телевидении, чье имя обязательно появляется в титрах программы и который сам мечтает в скором будущем стать ведущим. Спасибо, что не Фрося Бурлакова. Курам на смех. Так что имя сократили до привычной русскому слуху Милы, а фамилию преобразовали в более изысканную.

Вообще-то Милановскую мало кто любил. А если совсем точно – то не любил никто. Очень уж она себе на уме. Хорошо к ней относились только ведущие программы, Гарик и Марина, потому что все, что они произносили в эфире, телезрители приписывали именно им. Никому в голову не приходило, что все те умные и заковыристые слова, которые говорили ведущие во время беседы с гостями, все их неожиданные вопросы и остроумные комментарии – все это на самом деле говорит шеф-редактор. Человек, «сидящий в ухе у ведущего». Гарик и Марина вели программу по очереди, с мужчинами-гостями беседовала Марина, с женщинами – Гарик. И ведущим, само собой, страшно нравилось, когда после очередного выпуска им говорили:

– Ну как же здорово ты его уела!

– Ой, как она побледнела, когда ты ее об этом спросил! Сразу видно, что совесть нечиста.

Ведущие скромно улыбались и никому никогда не рассказывали, что шеф-редактор за десять минут до эфира (а программа шла именно в прямом эфире, а не в записи) показывала им сценарий, который они, естественно, запомнить не успевали и полностью полагались на то, что услышат потом в «ухе». И то, что они слышали и, соответственно, произносили во время программы, далеко не всегда полностью совпадало с написанным в сценарии. Эта сука Милановская пользовалась еще какими-то источниками информации, никогда не полагаясь только на сведения, собранные редакторами и систематизированные и

обобщенные старшим редактором. Она ухитрилась раздобыть что-то «жареное», о чем никому не говорила вплоть до той самой секунды, когда во время программы подсказывала ведущему неожиданный вопрос или комментарий.

Гостями программы «Персона» становились и заметные фигуры в городе, и заезжие звезды театра, кино и эстрады (в Вербицке работали два театра – драматический и детский, и гастрольных спектаклей всегда было много), и обычные граждане, снискавшие известность благодаря какому-нибудь неординарному событию. А также супруги всех вышеперечисленных особ. Причем программы с супругами пользовались не меньшей, если не большей любовью среди телезрителей: кто, как не супруг или супруга, поведаст о милых слабостях и бытовых привычках популярной личности? Это ж как на кухню заглянуть или даже в спальню...

Через две недели гостем программы должен стать мэр Вербицка Константин Кириллович Смелков, и Алена Арканова добросовестно подготовила весь материал. Сложность была в том, что Смелков бывал на программе и ранее, в первый раз – когда участвовал в прошлой избирательной кампании, во второй раз – когда уже стал мэром. Предстоящая программа – третья по счету, и вся информация, которую удалось собрать, была использована. Младший редактор и редактор, да и сама Алена вместе с ними, буквально из кожи вон лезли, чтобы накопать что-нибудь свеженькое, на чем можно построить интересные вопросы для ведущей. Ну, хорошо, шум вокруг убитых экологов. Это, конечно, остро, но на этом особо не поиграешь, потому что на прошлой неделе гостем программы был начальник УВД полковник Баев и весь разговор как раз вокруг этих убийств и крутился. Мэр вряд ли сможет добавить что-то новое. Проект трассы? Тоже столько уж говорено-переговорено об этом... Опять Смелков начнет пыхтеть про звероферму, которую он не даст в обиду, и про русские пушно-меховые традиции, и про то, что он строил ферму собственными руками. Сколько можно! Кроме того, на этой неделе в эфир пойдет программа с главным проектировщиком одного из двух вариантов прокладки трассы, он специально приедет из Перова для участия в ток-шоу «Персона». И если начать спрашивать мэра о проектах, начнутся сплошные повторы, а это зрителю скучно. Да и Милановская этого не допустит, ей нужно, чтобы было горячее, новое и острое. Единственное, что пришло в голову Алене, – это попытаться накопать хоть какую-то информацию об отношениях Смелкова и его главного конкурента на выборах Горчевского. Если удастся выяснить, что они, например, давно знакомы и дружны, то можно пощипать мэра за ягодицы вопросами о «протокольности» второго кандидата. А вот если между ними какая-то кошка пробежала или есть конфликт интересов и предвыборная борьба между ними настоящая, то

Милановская обязательно сумеет (разумеется, устами ведущей) вывернуть разговор таким образом, чтобы гость потерял над собой контроль и начал поливать грязью соперника. А это всегда хорошо для телевидения. Вообще, человек, потерявший над собой контроль перед камерой, да особенно в прямом эфире, это самое лучшее, что может пожелать себе любая программа. И неважно, в чем именно проявляется потеря контроля – в рыданиях или просто в скатившейся слезинке, в неудержимом хохоте или в трясущихся от волнения руках, в глупостях и гадостях, которые произносит гость. Это всегда хорошо. И об этом всегда помнит ненавистная Милановская. Конечно, положила руку на сердце, Алена Арканова знает, что шеф-редактор права и работать можно только так, если хочешь, чтобы твоя программа имела высокий рейтинг. Но все-таки одно дело – сценарий программы и совсем другое – поведение с сотрудниками и подчиненными. А вела себя Милановская, на взгляд Алены, просто омерзительно.

Как бы там ни было, а материалы сдавать Милановской придется. Сегодня дедлайн – крайний срок, и если не сдать, она будет орать на всю редакцию. Алена еще раз открыла папку, чтобы все проверить: диск на месте, текст в файле, фотографии пронумерованы. Надо идти.

Но она не успела. Милановская, ярко покрашенная рыжеволосая молодая женщина со злыми глазами, сама заглянула в комнату редакторов. Настроение у нее, судя по всему, было преотличным, потому что шеф-редактор одарила Алену скупой улыбкой, что вообще-то случалось чрезвычайно редко.

– Я уйду, – сообщила Мила, – меня сегодня уже не будет. Смелков готов?

– Да, Камилла Теодоровна, – испуганно пискнула Алена, – я как раз собиралась вам отнести.

– Давай сюда, я дома посмотрю. И не называй меня Камиллой Теодоровной, терпеть этого не могу. Сколько раз просила! Так, что у нас тут?

Милановская небрежно бросила на стул сумку и принялась листать текст и смотреть фотографии.

– Горчевский... Горчевский... Это хорошо, это интересно... Это ты молодец... В то время, как Горчевский учился в столичном университете, наш мэр копал землю и

строил звероферму. Да, это можно использовать, если правильно подать. Горчевский в армии не служил, а Смелков служил... Кстати, а почему Горчевский не служил в армии? Он же старше Смелкова лет на семь, значит, если он сразу поступил в университет, то к тому времени, когда наш мэр с лопатой в руках строил ферму, Горчевский должен был уже сто раз закончить учебу. А он еще учился. Значит, поступил не сразу. А в армии не был. Почему? Откосил? Тогда нужно знать, с каким диагнозом. Плохо, Арканова. Недосмотрела. И кстати, почему все разговоры о Смелкове всегда начинаются с его работы на строительстве фермы? А до этого он что делал?

Алена с пылающими щеками подскочила к Милановской и начала дрожащими пальчиками перебирать листы с текстом.

– Он в школе учился, в восемнадцатой, вот здесь есть... вот, адрес школы, интервью с учителями, которые его помнят, записаны на диске, в тексте тоже есть... и адрес, по которому он проживал... – торопливо поясняла девушка.

Внезапно лицо Милановской будто бы подобралось, стало строже. Хотя куда уж строже! Но ей как-то удалось.

Шеф-редактор резким движением захлопнула папку и сунула ее в сумку.

– Я разберусь. А тебе нужно быть внимательнее, очевидные вещи пропускаешь. Учись у меня, пока я еще здесь работаю. Но в целом молодец, я довольна.

Дверь за шеф-редактором закрылась, и Алена с облегчением перевела дух. Кажется, на этот раз пронесло.

* * *

Как говорится, глаза боятся – руки делают, думала Настя Каменская, готовя себе очередное полоскание. Оказалось, что все не очень страшно, а точнее – совсем даже не страшно, действуй строго по инструкции – и порядок.

Сначала, изучив пропись, она составила и записала на бумаге график, разметив, в котором часу пить, в котором – полоскать горло и промывать нос, а когда менять компресс, убедилась, что между предписанными мероприятиями

остается время для сна, и решила, что будет заводить будильник, вставать, лечиться и снова укладываться. Бессонная ночь сказывалась, в глазах ощущался песок и покруживалась голова. Но из такого чудесного, на первый взгляд, плана ничего не получилось: много времени ушло на то, чтобы разобраться, из какого пакетика нужно заваривать и из какого флакона капать, потом следовало выждать, пока травка настоится, потом дать ей хотя бы чуть-чуть остыть (не полоскать же горло кипятком!). А оборачивание собственной шеи компрессом превратилось в целую эпопею: смоченное «правильным» раствором полотенце никак не хотело удерживаться на горле, пока Настя двумя руками закутывала себя в полиэтилен. Пришлось учиться делать это одной рукой, что оказалось весьма непросто. Справившись, наконец, с задачей, она посмотрела на часы и поняла, что до «приема внутрь» остается почти два часа, завела будильник и улеглась в постель, однако заснуть сразу не удалось, а как только Настя задремала – открылась дверь, горничная пришла убирать номер. Кляня себя за то, что забыла вывесить на ручку двери снаружи табличку «не беспокоить», Настя шепотом, помогая себе жестикуляцией, объяснила, что ее номер в уборке не нуждается, но когда осталась одна – поняла, что до звонка будильника остается совсем немного. «Ничего, в следующий раз буду умнее», – оптимистично пообещала она сама себе.

Второй цикл прошел легче, но надежде поспать снова не суждено было осуществиться. Сначала принесли новый термос с кипятком, потом по коридору начал с дикими воплями бегать какой-то ребенок, после чего Настя вдруг поняла, что заснуть ей мешает боль в горле, возникающая при глотании. И еще: в горизонтальном положении нос закладывало так, что дышать можно было только через рот.

Одним словом, со сном не получилось. Она вылезла из-под одеяла, сняла халат, надела свитер, джинсы и теплые толстые носки и села за компьютер. Посмотрела в оставленное Коротковым расписание его жены: вот сейчас как раз самое время позвонить. Интересно, Юрка не забыл предупредить Ирину, что Настя без голоса?

Не забыл. Ирина сразу ответила на вызов и сидела перед своим компьютером с Анюткой на коленях.

– Молчи-молчи, все знаю, все расскажу сама, – быстро заговорила Ирина. Благодаря профессиональной технике речи она могла произносить слова с невероятной скоростью, при этом совершенно отчетливо. – Тебе Юрка велел

диатез проверить? Вот, смотри. Все чистенько. Мы шоколад сегодня не ели. Мы здоровы, веселы, и у нас хороший аппетит. Да, Анюттик?

- Да!!! - с энтузиазмом подтвердила малышка.

- Быстро скажи тете Насте, что ты кушала на завтрак.

- Кашу! И бутрик с сыром, - доложила девочка.

- Бутрик - это бутерброд, - пояснила Ирина. - Теперь покивай мне, как вы там устроились? А то вчера я до ночи на съемке проторчала, а утром Юрка мне не звонил, чтобы не будить. Я буду вопросы задавать, а ты жестами отвечай. Гостиница хорошая? Номера удобные? Еда нормальная?

Насте пришлось три раза кивнуть.

- Как ты себя чувствуешь?

Настя скорчила кислую мину.

- Ты лечишься?

Снова кивок. Потом еще один - для убедительности. Настя повернула экран, чтобы в камеру попал уставленный коробками, флаконами и пакетиками стол.

- Однако! - рассмеялась Ирина. - И что обещают при такой массированной атаке?

Настя подняла руку с двумя оттопыренными пальцами.

- Два дня? А диагноз какой? Грипп?

Этап кивков закончился, начался этап отрицательных жестов.

- Бронхит?

Настя подумала, что, пока Ира перечислит все известные ей заболевания, у нее, Насти, голова отвалится. Однако до ларингита многоопытная Ирина дошла совсем скоро.

- Понятно. Чистяков в курсе?

Ну вот, опять мотать из стороны в сторону... Голова же кружится!

- Сказать ему?

И снова! Да что ж такое-то! Надо оставить бедную голову в покое и попробовать использовать другие части тела. Настя отчаянно замахала руками.

- Все-все-все, поняла-поняла. - Ирина опять рассмеялась. - Между прочим, почему ты одета? Коротков написал, что ты должна быть в халате и лежать в постели.

Господи, и как это актеры ухитряются без единого слова, только мимикой, жестами и позами выражать целые связные фразы и оформленные мысли, и чувства? Насте потребовалось немало времени, чтобы объяснить совсем простой факт: она не может заснуть, потому что болит горло, нечем дышать и все время что-то мешает. Маленькая Анютка хохотала до слез, глядя на этот «театр мимики и жеста». Вообще-то можно было написать сообщение здесь же, в скайпе, но Настя додумалась до этого далеко не сразу, а когда сообразила, необходимость уже отпала.

- Скажи Юрке, что я вечером вернусь со съемки часов в одиннадцать, - сказала Ира. - У вас это будет... Сколько?

«Два часа», - ответила Настя на пальцах.

- Спать, наверное, уже ляжет. Жалко будить. Но ты на всякий случай предупреди его, что я буду ждать его звонка до двенадцати по Москве, если сможет - пусть звякнет. В двенадцать у меня отбой, мне завтра вставать в шесть. Все, Настюша, целую-люблю-пока. Поправляйся!

Настя вышла из скайпа и принялась искать в Интернете местные сайты. Ей хотелось узнать, что пишут журналисты об убийствах экологов и как эту информацию воспринимают и комментируют жители города Вербицка.

Информации оказалось очень много, и столь же огромным было число откликов в обсуждениях каждого материала. Правда, выглядело все не совсем так, как вчера рассказывал Виктор Егоров. То ли майор не счел нужным посвящать малознакомых людей в подробности, то ли ему самому всей правды не говорили, то ли он просто был не вполне трезв... Но журналистам, как выяснилось, было известно намного больше. Хотя как знать, достоверна ли их информация...

Как бы там ни было, но, судя по сообщениям, оставленным посетителями сайтов, среди горожан существовало твердое убеждение в том, что некое общественное объединение экологов на базе некоей лаборатории провело какое-то исследование. Результаты этого исследования дают веские основания говорить об экологическом неблагополучии северной части города и прилегающих к ней территорий, поэтому вполне разумно прокладывать Федеральную трассу именно там, с северной стороны Вербицка, а экологически чистую южную часть пригорода не трогать. Однако мэр Смелков в силу личной корыстной заинтересованности хочет, чтобы трасса пролегла с юга. Его поддерживает группа бизнесменов, которая уже скупил там всю землю, и когда построят дорогу, они начнут набивать свои карманы и мэру прилично отстегнут.

О самих же убийствах информация нашлась тоже, но довольно своеобразная. Хотя, опять же, как посмотреть... Первая публикация о загадочной смерти эколога появилась в начале мая, в ней говорилось о нераскрытом убийстве пенсионера, который всю жизнь занимался экологией, несколько лет назад вышел на пенсию, но в последнее время, как утверждали члены его семьи, нашел применение своим знаниям и многолетнему опыту, оживился, часто куда-то ездил, читал много специальной литературы, но близким ничего конкретного не рассказывал, только приговаривал: «Ничего, скоро сами все узнаете, и тогда им мало не покажется».

Эта публикация никакой особой реакции у населения не вызвала. Однако уже через две недели появилась вторая: об убийстве женщины, приезжей, около сорока лет. «Полиция пошла по пути наименьшего сопротивления и сочла смерть результатом разбойного нападения, – говорилось в статье, – опираясь на единственное обстоятельство: отсутствие сумки. Никому в нашей доблестной полиции даже в голову не пришло обратить внимание на профессию убитой. Мы

провели журналистское расследование и выяснили, что жертва этого жестокого преступления была экологом. И отсутствие сумки свидетельствует не о разбойном нападении случайных преступников, как нам хочет представить это полиция, а о стремлении завладеть материалами, которые в этой сумке находились. Завладеть именно для того, чтобы никто никогда больше их не увидел». Разумеется, это была всего лишь версия. Ничем не подтвержденная, по крайней мере, в самой статье. Но и ничем не опровергнутая.

Далее в статье довольно напористо утверждалось, что это уже второй ставший известным случай убийства экологов в Вербицке и что позиция и полиции, и руководства города вызывает по меньшей мере недоумение: для раскрытия этих преступлений не предпринимается ровным счетом ничего, и это дает основания говорить о том, что выяснение обстоятельств дела невыгодно кому-то очень могущественному.

На эту публикацию реакция была уже намного более живой, но это и понятно: один эпизод может быть случайным, два – уже намек на систему. Тему подхватили и другие СМИ, началось активное обсуждение. Но местное УВД зашевелилось только тогда, когда появилась статья о третьем убийстве, достаточно давнем, судя по хронологии – первым из всей серии. Покончил с собой молодой мужчина, одинокий, со странностями, как считали окружающие. Спустя год журналистам удалось выяснить, что он тоже занимался экологическими исследованиями, и тогда вывод о самоубийстве оказался поставлен под сомнение. Перепроверить было уже невозможно, тело кремировали.

Третий эпизод заставил всех говорить о целенаправленном истреблении специалистов-экологов, проводивших какое-то общее исследование. Пенсионер и молодой мужчина были местными, вернее, пенсионер был уроженцем Вербицка, а молодой мужчина переехал сюда совсем недавно. Женщина-потерпевшая приехала в Вербицк из соседней области, жила в дешевом общежитии, место в комнате на четверых оплатила на десять дней, из чего в статьях делался однозначный вывод о том, что ее пригласили как специалиста для отработки какой-то части исследовательской работы. В общем-то, надо признать, основания для такого вывода у журналистов были.

И вот совсем свежая статья, в которой изложено то, о чем говорил накануне майор Егоров: женщина принесла в полицию письмо, доставленное ей по ошибке и адресованное убитому чуть меньше двух недель назад человеку, и выяснилось,

что последний потерпевший тоже был экологом, проводившим исследования в какой-то таинственной лаборатории.

А лаборатория, похоже, действительно была таинственной, и вообще вся эта история выглядела чрезвычайно темной. Никто из убитых никому про лабораторию не рассказывал впрямую, из чего следовало, что и сама лаборатория, и проводимые в ней исследования – дело секретное. Более того, убитые не распространялись о том, чем они вообще занимаются. И вся эта ситуация сильно напоминала Насте традиционную работу под прикрытием, когда создается какое-то предприятие, в данном случае лаборатория, там кто-то работает якобы по профилю, а на самом деле эти люди занимаются совершенно другим делом. И если этих людей вдруг начинают по очереди убирать, то связано это с высокой вероятностью именно с этим «другим» делом, а не с официально объявленным «профилем» организации.

Впрочем, все это не имеет ровно никакого значения. Прикрытие или нет, но ей, Насте Каменской, в рамках поставленной задачи нужно убедиться только в том, что экологические проблемы не станут препятствием к созданию и функционированию пансионата. Больше ей ничего не нужно.

Читать пришлось долго, периодически звенел будильник, возвещая о том, что пришло время пить настой, полоскать горло, менять компресс... Она с неудовольствием отрывалась, борясь с малодушным желанием «пропустить один разочек», но брала себя в руки, вставала, заваривала, капала, смачивала, заворачивала, шурша полиэтиленовыми пакетами, после чего с удовлетворением говорила сама себе: «Вот и молодец!» – и возвращалась к компьютеру.

Румяная бабушка-доктор, как и обещала, зашла около трех часов, посмотрела горло, проверила компресс, послушала бронхи и легкие, похвалила за лежащий на столе, рядом с лекарствами, график, строго наказала непременно пообедать и ушла, предупредив, что придет завтра с утра.

Когда принесли меню из ресторана, Настя послушно выбрала запеченный в сметане картофель, который съела, не отходя от ноутбука.

Услышав, как в очередной раз открылась дверь номера, она даже не обернулась, в полной уверенности, что ей опять принесли термос с кипятком.

– Вам цветы, – слышался у нее за спиной женский голос.

Настя удивленно обернулась, посреди комнаты стояла огромная корзина с цветами. Она уже собралась было заявить, что это ошибка, но вспомнила, что голоса пока нет, и постаралась изобразить полное недоумение: «Мне? Этого не может быть». Для убедительности еще и головой потрясла, о чем сразу же и пожалела.

Девушка в строгом костюме и белой блузке, принеся корзину, протянула ей небольшую карточку, с одной стороны которой было написано «Каменской Анастасии Павловне» и указан номер ее комнаты, а с другой – «Добро пожаловать в Вербицк! Желаю скорейшего выздоровления! С уважением, Ворожец П.С.» и номер телефона.

Настя ткнула пальцем в фамилию «Ворожец» и вопросительно посмотрела на девушку.

– Петр Сергеевич один из самых богатых людей в нашем городе, – охотно пояснила та, – и близкий друг нашего мэра.

Вон оно как! Друг мэра – это хорошо. Это очень даже хорошо. Была бы она до сих пор офицером полиции, такая инициатива ее непременно разозлила бы и напугала: наверняка попытаются давить или даже взятку сунуть. Но теперь она – вольный стрелок, на государственной службе не состоит. Так что опасности никакой нет. Но нет и желания вступать в близкий контакт.

Настя кивнула, давая понять девушке, что подарок приняла. Взяла сигареты, покурила в санузле, чтобы в комнате не пахло дымом, потом достала телефон, положила перед собой карточку и отправила по указанному в ней номеру сообщение: «Большое спасибо, я тронута».

Через несколько минут пришел ответ: «Я могу быть чем-то полезным? Может быть, вам что-нибудь нужно? Врач, лекарства?»

Ишь ты! Один из самых богатых людей города решил проявить благосклонность к обычным людям, приехавшим в командировку. Это что-то новенькое! Мало того, что он знает об их приезде, так еще и о ее болезни осведомлен. Интересно, что ему на самом деле нужно?

Анастасия Каменская всегда была сторонницей самых прямых путей и поставленных в лоб вопросов. Поэтому она недолго думая написала: «Спасибо, мне ничего не нужно. А вам?» И посмотрела на маленький аппарат с нескрываемым злорадством: ну что, один из самых богатых людей города, как ты собираешься отвечать на мой вопрос?

А вопрос-то, судя по всему, господину Ворожцу не понравился, потому что ответа на него не было довольно долго. Настя успела прополоскать горло и прочитать еще несколько статей в интернете, пока дождалась очередного сообщения: «Мне достаточно знать, что у вас все в порядке». На несколько секунд ей даже неловко стало: может, человек проявляет искреннюю заботу, а она грубит ему. Витя Егоров вчера говорил, что начальник УВД – близкий друг мэра, и вот этот Ворожец тоже с мэром дружит, стало быть, они втроем – единая команда, поэтому ничего удивительного, что, как только они с Коротковым появились у полковника Баева, об их приезде сразу узнал Петр Сергеевич. Баев человек занятой и не такой богатый, как его дружок-бизнесмен, которому куда проще проявить гостеприимство и у которого наверняка и денег побольше, и дом покруче, и возможности пошире. Полковник хочет оказать какое-то содействие, вот и попросил своего товарища об услуге. Может быть, мэр каким-то образом заинтересован в банке «АПК» и старается таким способом проявить дружеское расположение к банкиру Каменскому. А может быть, у Петра Сергеевича строительный бизнес, и он намерен заручиться поддержкой представителей банка, чтобы потом получить подряд... Короче говоря, никаких «неприличных» причин для проявления доброжелательности и вежливости может и не быть. И зря она ерепенится.

Поэтому, когда от Короткова пришла очередная эсэмэска с вопросом: «Как дела?», Настя написала: «Все в порядке. С нами хочет дружить местная бизнес-элита». И страшно удивилась, получив ответ: «Я уже в курсе».

* * *

– Предки, а ну гляньте, на какой фотке я вам больше нравлюсь?

Вера Смелкова, супруга мэра, с удивлением посмотрела на протянутые младшей дочерью фотографии: на одной будущий мэр, молодой и красивый, держал годовалую Ларису на руках, стоя посреди детской площадки, на второй Вера с

Костей вели торжественную, украшенную бантами и широко улыбающуюся девочку с букетом гладиолусов в первый класс.

- Да ты на обеих фотографиях красавица! – убежденно произнесла Вера.

- Ага. – Лариса сморщила носик. – На одной вообще не пойми что, на другой брекеты видны. Но все остальные еще хуже.

Вера улыбнулась и покачала головой. Вот так всегда! Вечно Лариска чем-то недовольна, всюду ищет и, разумеется, находит проблемы или хотя бы недостатки. Она так не похожа на свою старшую сестру, разумную, спокойную, с удовольствием принимающую все бонусы и привилегии статуса «дочери первого лица города». Старшая, их с Костей первая девочка, закончила МГУ и работает в Санкт-Петербурге, делает карьеру, хорошо зарабатывает, ездит за границу на семинары и тренинги, повышает квалификацию. И с личной жизнью у нее все устроено. А вот Лорик – постоянный источник беспокойства, никак она не хочет соответствовать положению своего отца, не желает считаться с тем, что на нее, как и на самого Костю, и на его супругу Веру, нацелено внимание не только прессы, но и всех жителей Вербицка. Ведь семья мэра – это его репутация! Лорик не хочет жить с родителями в резиденции, ей подавай свободу в пустой городской квартире и право ходить куда угодно, встречаться с кем попало и одеваться черт знает как! Огромного труда стоило каждый раз уговорить девушку пожить с ними хотя бы несколько дней. Сегодня она приехала по собственной инициативе, чем несказанно порадовала Веру.

- Пусть папа скажет, – предложила она дочери. – Папа же у нас главный эксперт по женской красоте.

Она передала фотографии мужу. Константин Кириллович с умиленным выражением лица рассмотрел снимки.

- Какая ты была хорошенькая! Просто ангел! И куда все делось?

- Короче, пап, – нетерпеливо перебила его Лариса, – какую лучше взять?

- Взять куда? Ты собираешься подарить детскую фотографию своему парню? Или в сеть выложить?

– Да Милке для передачи нужно! Она попросила какие-нибудь фотки, где ты с детьми.

– Какой Милке? – нахмурился Смелков.

– Ну Милановской же! Ты что, забыл? Ты через две недели в «Персоне» будешь. Она хочет показать фотки, где ты молодой, расскажет, какой ты хороший семьянин. Вернее, ты сам расскажешь, тебя ведущая спросит.

– А ты что, дружишь с Милановской? – удивилась Вера.

Впрочем, удивление было не вполне искренним. Родители Ларисы Смелковой давно поняли, что свою частную жизнь девочка от них старательно скрывает, и вовсе не потому, что в ней есть нечто предосудительное, а исключительно из протеста против контроля. Они не знали ее друзей и кавалеров, хотя и понимали, что и те и другие у дочери есть. Начальник службы безопасности мэра Смелкова дело свое знал, но все-таки личное знакомство с друзьями Ларисы было бы предпочтительнее.

– Не то чтобы я прям дружила с ней всасос, но знакома, еще с первой передачи. Так, пересекаемся иногда. Она классная! Ладно, я обе фотки возьму, все равно я на них урод уродом.

– Не выдумывай, – ласково произнесла Вера.

Впрочем, ее слова вряд ли были услышаны. Лариса схватила фотографии и выскочила из комнаты, где ее родители коротали время за вечерним чаем.

– Вот так всегда, – сокрушенно вздохнула супруга мэра. – Она нас не слышит, живет своей жизнью, отстранилась от нас полностью. Мы даже ее мальчика ни разу не видели.

– Мне докладывали, что ни в каких опасных связях Ларису не замечали, – твердо ответил Константин Кириллович. – Вокруг нее крутится много молодежи, они вместе проводят время. Ты что, хочешь, чтобы моя служба безопасности еще и в койку к ней залезла? У них другие обязанности, тем более сейчас, когда выборы на носу.

Но Вера сдаваться не собиралась.

– Ты бы Игоря попросил, пусть поручит своим ребятам узнать, с кем Лорик встречается, а то бог его знает...

– Ну что ты говоришь! – возмутился Константин Кириллович. – По такой ерунде начальника УВД напрягать – это неприлично.

– Но он же не только начальник УВД, он и твой друг, самый близкий. Почему не попросить?

– Потому что у Игоря и без этого забот хватает, – отрезал мэр. – Я поговорю с Ларисой, велю ей познакомить нас с ее постоянным кавалером. Но уверен, что ничего плохого там быть не может. Она с ним в театр ходит, на концерты какие-то, наверняка приличный парень. В конце концов, ей двадцать три года, разберется, не маленькая.

– Вот и поговори, – сердито отозвалась Вера. – Скажи отцовское слово. А то девочка совсем от рук отбилась. С этими выборами ты вообще перестал думать о семье.

Константин Кириллович решительно поднялся из-за стола и направился к ведущей на второй этаж лестнице. Дверь в комнату дочери была распахнута настежь, Лариса разговаривала по телефону и одновременно, судя по прерывистому дыханию, делала что-то еще.

– Ага... нет, сегодня я уже не выберусь, я у предков, надо же было альбомы с фотками найти... Давай завтра... Не, Мил, утром я так рано не встану, давай ближе к вечеру... Или хочешь, я днем тебе на студию закину... Все, оки-доки, договорились!

Увидев стоящего на пороге отца, девушка бросила телефон на кровать и сделала замысловатый пируэт.

– Сам господин мэр почтил своим присутствием мою скромную обитель! Чем могу соответствовать?

– Не ерничай, – строго оборвал ее Константин Кириллович. – Ты давно обещала нам с мамой познакомить нас со своим ухажером. Обещания пора выполнять. Когда ты привезешь его к нам? Мы же беспокоимся, мы должны понимать, с кем ты общаешься.

– Ой, ну па-ап, – капризно протянула Лариса, – ну что ты опять... Я уже не маленькая давно. Нормальный он парень, не ворует, не колетса, из приличной семьи.

– Тогда тем более мы с мамой не понимаем, почему ты его прячешь.

– Да не прячу я никого! Просто все эти смотрины... Ветхий завет какой-то. Смешно даже.

Константин Кириллович понял, что амплуа «благородный отец» здесь не проходит, придется становиться «демократом». Сначала улыбнуться, потом сделать голос попроще.

– Лорик, котенок, я тебя понимаю, как никто. Хорошо помню себя в твоём возрасте. Я уже учился в Перове, в институте, жил вдали от родителей, встречался с твоей мамой, и когда моя мама, твоя покойная бабушка, приехала меня навестить и попросила познакомить с девушкой, у меня это вызвало бурю негодования. Я за два года привык ни перед кем не отчитываться и никому не докладывать. Мы с ней тогда даже, помнится, поссорились. Никак я не мог понять ее настойчивости в этом вопросе. Но теперь я твою маму понимаю очень хорошо. Это я, мужчина, легко принимаю свой возраст, а она все-таки женщина.

– А при чем тут возраст? – недоуменно спросила Лариса.

– Знаешь, – задумчиво продолжал Константин Кириллович, – когда-то был такой фильм с Анни Жирардо, назывался «Последний поцелуй», ты его, конечно, не видела, он шел еще во времена моей молодости. Там женщина примерно маминого возраста, мать двоих взрослых детей, узнает о том, что у мужа роман с молоденькой девушкой. И вот эта обманутая жена стоит перед зеркалом полуодетая, рассматривает себя и говорит своей собеседнице: «Смотри, какая у меня хорошая фигура, кожа, волосы... Ну чем я хуже этой девушки?» И собеседница ей отвечает: «Женщине, у которой сын двадцати пяти лет, никогда не может быть тридцать». Понимаешь?

- Нет, - честно призналась Лариса.

- Мама никогда не признает, что ты уже взрослая, потому что это автоматически будет означать, что она уже немолода. Отнесись к этому с пониманием. Что тебе стоит один раз приехать со своим молодым человеком к нам на ужин или даже просто на чашку чаю? Вы потратите на нас полтора-два часа, и ты надолго избавишься от неприятных разговоров. Просто пойми, Лорик: дело не в недоверии, дело в подсознании. Конечно, мама никогда в этом не признается и будет говорить, что она за тебя беспокоится, а на самом деле все ее беспокойство построено только на том, что она боится признать твою взрослость. Ну и ладно, дай маме еще какое-то время пожить в иллюзиях. Это ведь не трудно, правда, котенок?

- Ну ладно, - неуверенно протянула Лариса. - Я подумаю...

- Подумай-подумай. И сделай маме приятное.

Константин Кириллович поцеловал дочь и спустился к жене. Вера посмотрела на него вопросительно и с тревогой.

- Поговорил?

- Поговорил.

- И что она сказала? Когда она нас с ним познакомит?

- Думаю, что совсем скоро, - улыбнулся Смелков. - Она обещала подумать. Но по глазам было видно, что она сделает то, о чем я прошу.

- И как тебе это удастся? - Вера нежно обняла мужа. - Тебе никогда никто не может отказать. Ни в чем. То ли ты слова как-то умеешь находить, то ли интонациями берешь, то ли еще что... Мы с тобой столько лет вместе, а я так и не поняла, в чем твой секрет.

Он и сам не понимал. Просто знал, что у него действительно есть такой дар. Знал с детства.

* * *

Если бы учителей Вербицкой школы номер 18 много лет назад спросили, кто самый лучший ученик в их классе, все единодушно назвали бы Игоря Баева, а самым милым и приятным учеником признали бы Костю Смелкова. Костя учился прилично, хотя и не так блестяще, как Игорь, но пользовался безусловной и необъяснимой любовью всего педагогического коллектива. Зато на вопрос «Кто в этом классе лидер?» ответ был бы, несомненно, один: Петя Ворожец. Маленький, худенький, даже щуплый, двоечник, он являлся авторитетом для всех мальчишек их класса. Петю уважали за то, что он, будучи самым слабым учеником, не поставил себя в положение забитого изгоя и не считал, что «двойки» в дневнике лишают его права голоса, смело, даже нахально, спорил с учителями, если считал, что совершается какая-то несправедливость, и отчаянно защищал всех обиженных.

Игорь Баев и Костя Смелков дружили с детского сада, жили в соседних домах, вместе пришли в первый класс и сели за одну парту. К концу учебного года к ним присоединились незаметный середнячок Димка Голиков, а также Петя Ворожец, сразу занявший место лидера в компании и устойчиво державшийся на этой позиции до самого окончания школы. Первую сигарету в третьем классе и первую бутылку пива в пятом мальчишки получили именно из рук своего маленького щуплого товарища-заводицы. А сколько порций мороженого они съели на его деньги! Сколько фильмов посмотрели в кинотеатрах! Петька всегда был изобретателен и активен, он решал, во что они будут сегодня играть, и с кем, и по каким правилам, сам придумывал игры и развлечения и во всех мальчишеских спорах выступал судьей, слово которого было последним и непререкаемым. И никакого, в сущности, значения не имело, какие именно отметки стоят у него в дневнике. Что отметки? Они важны родителям и учителям, а для друзей важно совсем другое.

Петька проявлял и недюжинные организаторские способности, рано сообразив, что личные амбиции и интересы дела – вещи суть разные и не следует складывать их в одну кучку. Заметив, что Костика любят взрослые и всегда идут ему навстречу, он распоряжался:

– Костян, сходи к завучу, попроси, чтобы Люськиных родителей не вызывали, скажи, что она все выучит и завтра пусть ее вызовут к доске. Ей сегодня «пару» математичка вкатила несправедливо, Люська у Ивановой до ночи проторчала,

утешала, Иванова же соревнования проиграла, а Люська как верная подруга с ней сидела и сопли ей вытирала, потому и не подготовилась.

– Сам иди, если ты такой справедливый, – первое время огрызнулся Костя. – Чего ты меня-то гонишь?

– Потому что у тебя получится, а у меня нет. Кто я такой, чтобы меня слушали? – с обезоруживающей прямоотой отвечал Петька.

И действительно, у Кости Смелкова получалось. Он шел к завучу, к директору или к преподавателю и договаривался. Почему-то ему никто из взрослых не отказывал.

И точно так же засылался Костик на переговоры с представителями других «команд», улиц и школ. Если переговоры не приводили к успеху, в ход шла тяжелая артиллерия – высокий спортивный мускулистый Игорь Баев, всегда хмурый и сосредоточенный, бывший безжалостно и до крови. От природы способного к наукам паренька тренировал и приучал к спорту его отец – офицер милиции, и Игорь по праву занимал место «гордости класса», поскольку помимо отличных оценок за учебу еще и завоевывал спортивные победы для своей школы. Учился он легко, без напряжения, уроки делал быстро, и на «дворовые» занятия времени оставалось достаточно.

С мелкими и не особо сложными заданиями Петя поручал справляться Димке Голикову, пацану не очень, как нынче сказали бы, продвинутому, но старательному и скрупулезному до полного занудства. Если его посылали за мороженым и велели принести четыре «стаканчика» по 19 копеек, выдав полтинник и гривенник, то Димка возвращал 4 копейки сдачи, отсчитывая их из жидкой кучки медяков, вынутой из кармана, при этом выискивая именно те две «двушки», которые получил от продавщицы. 4 копейки любыми другими монетами его не устраивали. Ребята смеялись над ним, но беззлобно. Они любили Димку, несмотря на некоторые его причуды.

Сам Петька ни в переговоры, ни в драки не лез.

– Из меня дипломат или боец не получится, – говорил он. – Мое дело – денег заработать, чтоб мать накормить и поощрить, кого надо.

Под словами «поощрить, кого надо» подразумевалось, что он, Петя Ворожец, готов «проставиться» и угостить (сначала мороженым, потом сигаретами, потом пивом, а потом и более серьезными напитками) тех, кто «поспособствовал» решению конфликта. «Любой труд должен быть оплачен», – повторял он чуть ли не каждый день и по самым различным поводам.

Что касается Петькиной матери, то с ней была беда. Если до рождения сына она еще надеялась на то, что отец ребенка на ней женится, то, когда через месяц после родов легкомысленный возлюбленный бросил ее окончательно и вообще уехал из Вербицка, молодая женщина начала пить. Спилась она довольно быстро, но нежную свою красоту сохраняла еще долго, в периоды просветления, становившиеся все короче, была ласковой и любящей, без конца обнимала и целовала сыночка и называла «своим сокровищем», надеждой и опорой. Зато в черные периоды заставляла страдать Петьку, обожавшего свою непутевую мать, несмотря ни на что. Паренек совсем ничего не знал о своем биологическом отце, кроме того, разумеется, что он «сволочь и подонок», однако пристрастие к чистоте и порядку он унаследовал явно не от матери, которая, сосредоточившись на выпивке, не замечала, в какой свинарник превращает свое жилище. Она могла исчезнуть на сутки-двое, могла привести в квартиру малознакомых или совсем незнакомых, случайных людей, частенько, пока еще сохранялась внешняя привлекательность, зарабатывала на спиртное старым известным способом, не считаясь с присутствием сына. Петька мыл, чистил, убирал, стирал, готовил, приносил продукты, накрывал валяющуюся на полу пьяно храпящую мамулю старым байковым одеялом и подсовывал ей под голову подушку – поднять и положить на диван взрослую женщину невысокий худенький мальчишка не мог.

Учиться ему было, само собой, неинтересно. Интересно было зарабатывать деньги, чем он и занимался лет примерно с семи-восьми: шустрого, не по годам сообразительного и при этом на удивление маленького и хлипкого внешне парнишку заметили «деловые люди» и успешно использовали в качестве курьера в мелком цеховом подпольном производстве. Принести пакеты с сырьем, отнести готовую продукцию, передать деньги, записку или сообщение на словах... Как бы ни обкладывала милиция места возможного появления фигурантов, на ребенка никто и подумать не мог, ведь Петька и в 15 лет легко сходил за десятилетнего, а уж в девять-десять вообще выглядел малышом детсадовского возраста. Наблюдая за ним со стороны и не вступая в разговор, трудно было предположить, какие хитроумные комбинации и вполне взрослые соображения крутятся в его голове.

Так и сложилась и вот уже без малого пять десятков лет существовала эта компания: Игорь Баев, Константин Смелков и Петр Ворожец. Сила, обаяние и деньги.

А Дима Голиков из компании выпал. И умер в областном психоневрологическом интернате.

* * *

Коротков появился поздно вечером, уставший, довольный и вполне сытый.

- Пришлось поужинать с нужными людьми, - пояснил он, чмокнув Настю в щеку и заметив, что она поморщилась, учуяв запах спиртного. - А ты как тут?

- А я уже говорить могу, - похвасталась она. - Таежные травки оказались действенными. Я даже Чистякову позвонила, он ничего не заметил.

- Класс! - обрадовался Юрий. - А в целом самочувствие как? Лучше?

- Да ну... - Настя расстроено махнула рукой и отвернулась. - Голова совсем не работает, ночью не спала из-за этого ресторана дурацкого, днем тоже поспать не удалось, все время что-то мешало. Читала всякие материалы в интернете, начитала много всего, а толку никакого. Не могу собрать мозги и обдумать информацию.

- Ничего, завтра еще полечишься, придешь в себя окончательно. А то ты со своей больной головой всех тут распугаешь. Ты зачем Ворожца обидела? Человек с чистым сердцем к нам, а ты на него гавкаешь. Он меня нашел через банк, ему сказали, в какие организации я сегодня собирался поехать. Чего ты на него набросилась?

Настя начала было оправдываться, но чем больше произносила слов, тем отчетливее понимала, что говорит глупости. Юрка прав, нельзя было так себя вести. Это непрофессионально. Здесь чужой город, и любой источник информации бесценен. Не говоря уже о том, что если иметь намерение открывать в городе бизнес, то портить отношения с одним из самых богатых людей - непростительная ошибка.

Оказалось, что Петр Сергеевич приглашает их пожить несколько дней в его доме, обещает информационную помощь и весь спектр бытовых удобств, начиная от бассейна с сауной и заканчивая поваром, который приготовит все, что гости пожелают.

– Твое счастье, что весь отель знает о твоей болезни, – сердито выговаривал ей Коротков, – и Ворожца предупредили, поэтому он твои выкрутасы воспринял адекватно, понимает, что с больной женщины взятки гладки.

Настя долго каялась, потом еще дольше слушала рассказ Короткова обо всем, что ему удалось выяснить в результате сегодняшних встреч. Ей ужасно хотелось спать, при этом, как только из открытого окна доносился громкий звук, она вздрагивала и начинала переживать, что если опять ночью будет шумно, то завтра она будет совсем никакая и день пропадет зря...

Наконец, терпение у Короткова лопнуло.

– Пална, ты во что превратилась? Ты забыла, как спала на полу, подстелив под себя мою куртку и укрывшись своим пуховиком? А куртку Селуянова под голову подкладывала вместо подушки. Свет горит, телефон звонит, мы ходим туда-сюда, разговариваем, а ты поспишь пару часов – и снова готова к работе. Сколько можно уже нудеть про свою бессонную ночь? Ну не выпалась – подумай, большое дело! Свадьба тебе мешала? Да ты лучше бы порадовалась, что вот у людей счастье, праздник, они не утратили способности веселиться и радоваться! Даже если ты еще одну ночь не поспишь – тоже не катастрофа. Потом выспишься. Что об этом говорить-то без конца? Хочешь – давай переедем отсюда, сменим отель. Не хочешь переезжать – перестань повторять как заведенная про то, что тебе спать не дают. Ты прямо как те монахи стала.

Настя оторопела.

– Какие монахи?

– А притча такая была, про монахов. Идут трое монахов из одного монастыря в другой. Подходят к реке, на берегу женщина плачет, ей нужно на ту сторону перебраться, а она воды боится и плавать не умеет. Один из монахов взял ее на руки и вброд перешел реку, поставил женщину на землю, и они пошли дальше.

Тот, который женщину перенес, идет себе, птичек разглядывает, на деревья смотрит, а остальные двое надулись, нахмурились, не разговаривают с ним. Дошли до монастыря. И те двое третьему говорят: ты, дескать, нарушил данный Господу обет не прикасаться к женскому телу и должен быть за это наказан, мы непременно доложим о твоем проступке отцу-настоятелю, ты совершил непростительный грех. А третий монах им отвечает: «Я женщину перенес через реку, поставил на землю и пошел своей дорогой. А вы ее до сих пор несете». Так и ты. С самого утра одну и ту же ношу несешь. Поставь ты ее уже наконец на землю и живи дальше!

Настя в первый момент обиделась. Хоть и понимала умом, что Юрка прав, но почему-то все равно было неприятно, словно ее (в который раз за сегодняшний день!) уличили в непродуманном, глупом и каком-то детском поведении. Ее, пятидесятичетырехлетнюю женщину, пенсионерку! И кто? Старый верный друг... От обиды даже слезы на глаза навернулись.

Коротков, конечно же, заметил, как у нее мгновенно испортилось настроение, но поступил мудро: распрощался с ней и скрылся за разделявшей номера дверью, словно ничего не произошло. Через какое-то время она услышала, как он разговаривает по телефону с Ириной. Настроение, и без того не самое радужное, испортилось окончательно. Она в последний раз за сегодняшний день выпила отвар, прополоскала горло, промыла нос, почистила зубы и улеглась в постель.

Но сна все равно не было, хотя еще полчаса назад она была уверена, что заснет мгновенно, если шум не помешает. Шума не было тоже. А сон не приходил. Зато появлялись всякие малоприятные мысли. Юркины слова казались ей обидными и несправедливыми, но очень скоро Настя поняла, что он прав. В молодости все позитивное, любое событие, самая маленькая удача, самая обычная радость переживались ярко и живо, в то время как мелкие и даже крупные невзгоды легко забывались и вытеснялись, а уж бытовые неудобства вообще не считались достойными внимания. Сейчас, когда ей за пятьдесят, она утратила способность бурно и самозабвенно радоваться всему хорошему, положительные эмоции потускнели, посерели и заметно ослабели, зато каждая негативная деталь мгновенно превращалась в раскисшую от грязи дорогу, на которой тормозило и увязало мышление. «Так вот каков механизм превращения еще недавно приятного человека в старого ворчуна и брюзгу, – с ужасом подумала она. – Он замечает только недостатки и подолгу застревает на них... И я становлюсь такой же».

Она вылезла из-под одеяла, закуталась в халат и поплелась в ванную курить. Уселась на край ванны и стала разглядывать себя в большом, в человеческий рост, зеркале. Из глубины зазеркалья на нее смотрела немолодая женщина с усталым бледным лицом и потухшими глазами. «Ни за что! – пронеслось в голове у Насти Каменской. – Я не поддамся. Я не позволю «этому» меня задавить. И пусть я не смогу заставить себя радоваться так же бурно и красочно, как когда-то, но я, по крайней мере, должна научиться контролировать свои мысли и слова, чтобы не застревать на негативе. Это вполне по силам любому человеку, было бы желание. А желание у меня есть. Потому что я не хочу превратиться в старую брюзгливую тетку, от которой все будут шараться».

Приводить в исполнение задуманное она решила начать немедленно. Легла в постель, выключила бра, постаралась расслабиться, начала погружаться в дрему... Услышала вдалеке вой сирены «Скорой помощи» и сразу поймала себя на мысли: «Ну вот, пожалуйста. Только-только начала засыпать! И ведь не закроешь окно – душно, а я не могу спать в духоте. Так и буду опять до самого утра...»

И спохватилась. Нет, надо думать по-другому. Как хорошо, что «Скорая» уже едет! Кому-то плохо, кто-то нуждается в помощи, и сейчас приедут врачи, сделают все, что нужно, человека спасут. И все будет в порядке. Как хорошо, что «Скорая» едет с сиреной, потому что если бы человек в помощи уже не нуждался, его везли бы не спеша, без сигнала. Раз есть сирена – значит, есть надежда. И этому можно и нужно радоваться.

Она вдруг с удивлением поняла, что улыбается в темноте.

Пятница

Таежные растения оказались поистине чудодейственными, и утром следующего дня Анастасия Каменская чувствовала себя совершенно здоровой. Горло больше не болело, голова не кружилась. Конечно, голос был все еще сипловатым, севшим, и нос по-прежнему заложен, но по сравнению с вчерашним днем все это казалось полной ерундой. Надо постараться сегодня пролечиться так же тщательно, как и вчера, ничего не пропускать и не нарушать, и тогда к завтрашнему дню все полностью наладится и можно будет полноценно работать

вместе с Юркой. После полоскания тридцать минут не есть и не пить... Значит, завариваем питье, полоскание, проводим все мероприятия, на душ и все прочее – как раз тридцать минут, и можно будет идти в ресторан.

– Коротков, я встала! – сказала она, приоткрыв дверь в соседний номер. – Через полчаса выходим на завтрак!

– Ага! – донеслось из Юркиной комнаты вместе с голосом диктора, читавшего новости по какому-то телеканалу. Судя по прозвучавшим фамилиям, канал был федеральным.

Она приняла душ, оделась и ровно через тридцать минут, как и обещала, заглянула к Короткову. Тот по-прежнему смотрел новостную программу, но на сей раз уже местную.

– Полиция пока отказывается комментировать возможные причины убийства, – тараторила ведущая.

– Я готова, – весело сообщила Настя, – и даже почти совсем здорова. Что, кого-то опять убили? Или это все про тех же экологов?

Коротков нажал кнопку на пульте, выключая телевизор, и поднялся.

– Какую-то дамочку с местного телеканала грохнули, – пояснил он. – Не думаю, что там что-то политическое, она работала шеф-редактором на ток-шоу. Наверное, бытовуха. Любовник или соперница, или, может, внутри рабочего коллектива конфликт.

Еда в ресторане оказалась точно такой же, как и накануне: не очень разнообразной, но обильной и вкусной. Сегодня аппетит у Насти был отменным, и Коротков откровенно веселился, глядя на то, с каким удовольствием она поглощает сосиски с омлетом и слоеные пирожки, которые он сам вчера так нахваливал.

– Я же не ужинала, – пояснила она, смутившись, когда поймала его насмешливый взгляд.

– Да ешь на здоровье! – расхохотался Юра. – Сиди в номере и набирайся сил перед завтрашним прорывом. Я сегодня еще встречусь кое с кем, пару вопросов провентилирую, а завтра поедем за город местность осматривать, все равно сегодня пятница, впереди два выходных, ни в одной конторе мы никаких вопросов не решим. На карте мне, конечно, все покажут, но ты же понимаешь: лучше своими глазами увидеть. А ты что планируешь? Я ж понимаю, что тихо и скромно болеть ты не умеешь, наверняка будешь в информации копошиться.

– Вот и неправда, – возразила она, потянувшись за очередным пирожком, – я болею очень даже скромно, никаких дорогостоящих препаратов, капельниц и прочих процедур. И совсем-совсем тихо, меня не видно и не слышно, я даже ни с кем не разговариваю. Но поскольку ты как старший нашей группы обязан обеспечить прояснение вопроса с экологической обстановкой, то я этим и займусь. Конечно, к делу убитых экологов меня никто и на километр не подпустит, но можно попробовать зайти с другой стороны.

– Ага, – кивнул Коротков, – через заднее «кирильцо», как говорил Райкин. И где у нас это «кирильцо»?

– На звероферме.

– Ты что, на звероферму собралась ехать?

– Ну прямо-таки! – рассмеялась Настя. – Хотя было бы неплохо, но не сегодня, само собой. Нет, Юраша, я буду действовать простым старым дедовским способом: читать. Для начала надо понять, может ли норковая ферма в принципе представлять собой экологическую опасность. Потом, если ответ положительный, попробую выяснить, может ли это иметь место с конкретной здешней фермой. Я же совсем ничего не знаю про пушное звероводство. Вот и попробую восполнить пробел в образовании.

– Ох, Пална, лучше бы ты в расстановке сил в предвыборной гонке разобралась, а то мне ж с людьми разговаривать... Далась тебе эта экология!

– Да ну, Юр, мне про политику скучно.

– А про экологию весело?

– Тоже скучно. Но, разбираясь в здешних выборах, я не приобрету новых знаний, понимаешь? Ну, выясню я, кто тут против кого дружит и кто с кем воюет, у кого сколько денег и кто за что платит. И что мне с того? Как только мы покинем территорию этого славного города, все мои знания о местной политике можно будет выкинуть в мусорное ведро, они уже никогда не пригодятся. Если уж делать скучную работу, то лучше выбирать такую, которая может дать новые знания или навыки. Законы экологии всюду одинаковы, знание этих законов может потом где-нибудь еще пригодиться.

– И давно ты это придумала? – скептически осведомился Коротков.

– Сегодня утром, пока под душем стояла. Ты вчера мне хорошую оплеуху закатил, спасибо тебе, она меня прилично отрезвила, – улыбнулась Настя.

– В смысле?

– В том смысле, что жизнь перевалила на вторую половину, и осталось этой жизни меньше, чем уже прожито. Поэтому глупо и нерационально тратить драгоценные дни и часы, и даже минуты, на пережевывание мыслей о том, как все плохо. Перенес женщину через реку, поставил – и иди себе дальше и не парься. Ну а следующим шагом в этой цепочке рассуждений стало понимание целесообразности получения новых знаний. Так что с политикой ты уж сам как-нибудь разберись, ладно? Тем более ты теперь собрался с Петром Сергеевичем Ворожцом дружить, вот он тебе все и обскажет в деталях.

– Кстати, о Ворожце, – спохватился Коротков, когда они уже шли к лифту, чтобы подняться на свой шестой этаж. – Я обещал сегодня дать ему ответ, принимаем ли мы его приглашение и если принимаем, то с какого дня и когда за нами машину присылать.

Настя задумалась. Жить в доме у совершенно незнакомого человека не хотелось. Сразу полезли в голову мысли о том, что вот она только-только освоилась в своем номере, привыкла к нему, а теперь нужно будет привыкать ко всему заново, и еще неизвестно, где этот дом находится, и какая комната у нее будет, и предусмотрен ли отдельный санузел, и какая там кровать, удобная ли, и не душно ли будет спать... Мысли начали множиться с невероятной скоростью, предполагаемые возможные неудобства буквально выскакивали из всех углов и наваливались на Настю Каменскую, грозя придавить ее своей огромной массой.

– Мы можем отказаться? – спросила она неуверенно.

– Конечно. Но зачем? Какой смысл в нашем отказе? Отвергнуть гостеприимство человека и настроить его против себя? Скрывать нам с тобой нечего. А вот пользу извлечь из проживания у Ворожца можно. И потом, подруга, ты сама себе противоречишь. Ты же только что говорила мне о пользе получения новых знаний. Ты в доме у сибирского бизнесмена была когда-нибудь? Ты представляешь, как он живет? Ладно, с политикой – я готов с тобой согласиться, все эти знания имеют значение здесь и сейчас и потом не пригодятся. Но знание образа жизни, привычек, вкусов... А вдруг все это совсем не так, как у столичных бизнесменов? И потом, можно будет поспрашивать у хозяина дома и про экологию, и про звероферму, если уж тебе так интересно. Он, как я понял, из местных, так что должен все знать.

Настя потрясла головой, разгоняя навязчивые и такие агрессивные мысли. Она что, с ума сошла? О чем она думает? Вернее, позволяет себе думать. Ведь только недавно она решила, что не даст таким мыслям возможности одержать верх над всем, что есть позитивного вокруг нее! И где все эти благие намерения? Речь идет о трех-четыре днях, и даже если в доме у Ворожца неудобные кровати в комнатах для гостей, это совершенно не смертельно. В конце концов, всегда можно вернуться в гостиницу. Решение нужно принять на месте и по факту, а не забивать себе голову всеми этими «а вдруг» и «а если».

– Конечно, ты прав, – твердо сказала Настя. – Я сегодня еще полечусь, а завтра можем ехать. Или послезавтра. На твое усмотрение.

* * *

Майор Егоров насмешливо оглядел собравшихся в одной комнате сотрудников программы «Персона». Боятся, сучьи дети. А чего им бояться-то? Небось думают, что сейчас опера во главе со следаком начнут вытряхивать из закромов их детские секретки: кто с кем спит, кто кого продвигает и кто против кого интригует. Знали бы они, что на самом деле руководство криминальной полиции считает убийство шеф-редактора Милюковой, найденной сегодня рано утром в подъезде собственного дома с признаками удушения, делом третьестепенным... Потому и отправили сюда не «лучших из лучших», а Егорова, которого давно уже никто всерьез не воспринимает, и совсем молоденького, зеленого еще оперка с территории, Мишаню Резвых. И следователь тоже из числа «завалящих», на

пенсию со дня на день собирается, за профессиональными победами не гонится. Самые-то лучшие, самые удалые и перспективные по делу экологов землю носом роют, экологи – объект номер один, им все внимание, а тут редакторша какая-то с местного телевидения, даже не ведущая и не продюсер. Ведущие – это известность, продюсеры – это деньги, а шеф-редактор что? Да ничего!

Действовать решили по «упрощенке», как называл эту систему действий сам Егоров. Обычно оперативники опрашивают всех, кого смогут найти, и если кто-то что-то дельное знает или видел – приглашают к следователю, который допрашивает этих свидетелей уже официально, под протокол. При «упрощенке» следователь выезжал вместе с операми в место большого скопления потенциальных свидетелей и здесь же, на месте, устроившись за чьим-нибудь столом, допрашивал тех, кого опера выявляли в ходе массового и быстрого опроса. В данный момент следователь писал протокол допроса продюсера, Мишаня Резвых, поставив белесые бровки «домиком», разговаривал со звуковиками, а Виктор Егоров слушал взволнованный дрожащий голосок симпатичной пышечки по имени Алена Арканова. Пышечка то краснела, то бледнела, видно было, что ужасно нервничает, но почему-то майор было абсолютно уверен в ее честности.

– Мила... то есть Камилла Теодоровна заходила к нам сюда вчера около четырех, попрощалась, сказала, что сегодня, то есть... ну, в смысле... вчера... ее больше не будет, – сбивчиво говорила девушка. – Я отдала ей материалы, она посмотрела их и забрала с собой, сказала, что дома прочитает. Больше я ее не видела.

– В каком настроении она была? Чем-то озабочена? Может, расстроена? Напугана?

– Нет, она была... ну, как обычно... Злая такая! – вырвалось у Алены, которая немедленно залилась краской.

– Какие материалы ты ей отдала?

– По мэру, по Смелкову. Он через две недели будет гостем нашей программы... то есть... ну, в смысле... должен быть. Теперь не знаю... Редакторы собирают информацию, отдают шеф-редактору, а шеф уже пишет сценарий и потом помогает ведущим вести эфир. Мы все собрали, я Камилле Теодоровне отдала

папку.

Обыск в квартире убитой уже провели рано утром, сразу после обнаружения ее тупа в подъезде ее же дома. Папка с надписью «Смелков, эфир 24.07.2014» действительно лежала в комнате на столе, Егоров, участвовавший в обыске, видел ее своими глазами. В папке были диск, файл с распечатками и конверт с фотографиями. Сейчас эта папка лежала в портфеле у следователя.

Егоров подошел к столу, за которым шел допрос, наклонился и шепотом попросил выдать ему папку.

- Вот эта? - спросил он у Алены.

Девушка быстро просмотрела содержимое папки и кивнула:

- Да, это мои материалы. В смысле... наши.

- Посмотри внимательно: все на месте? Ничего не пропало?

Алена вытащила распечатки из файла и перебрала по листочку, быстро пробегая глазами текст, потом проверила конверт с фотографиями.

- Все на месте, - уверенно ответила она.

- А диск можешь проверить?

- Конечно.

Она вставила диск в компьютер, а Егоров тем временем подошел к Мише, который как раз закончил разговаривать с одним из звукооператоров.

- Ну как? Есть что-нибудь?

- Да все то же: Милановская, она же Милюкова, была жуткой стервой, заносчивой и грубой, ее все ненавидели, но в то же время признавали, что благодаря ей программа имеет высокий рейтинг. Ни с кем из здешних вроде не

спала, и даже разговоры не ходили никакие. Конфликты были практически с каждым, так что убить ее в принципе мог любой из тех, кто работает на программе и вообще на канале.

– Ясно, – угрюмо протянул Егоров. – Ладно, работаем дальше.

Он вернулся к столу Алены.

– С диском все в порядке, – сообщила девушка.

– Ничего не стерли, не заменили?

– Нет, я по хронометражу проверила, все секунда в секунду совпадает.

Егоров вздохнул. Такая хорошая версия наметилась: в материалах о мэре появилось что-то «ненужное», и из-за этого Милюкову убили, а «ненужное» и опасное изъяли или заменили... Красота! Но, похоже, это не так. И вообще, там, где много подозреваемых, обычно все оборачивается совсем другой стороной и преступник оказывается совершенно не из этого круга.

Краем глаза он видел, что следователь, прервав допрос, разговаривает с кем-то по телефону. Закончив разговор, он поймал взгляд Егорова и сделал приглашающий жест рукой. Виктор подошел к нему.

– К вам подмога едет, – ехидно сообщил следователь, – не доверяет вам с Мишкой руководство, решили ваши ряды укрепить опытными профессионалами. Твой начальник только что звонил. Без подмоги велено к обыску рабочего места потерпевшей не приступать.

В общем, чего-то подобного Егоров и ожидал. Значит, у Милюковой-Милановской нашлись влиятельные знакомые, которые уже узнали печальную новость и надавили на руководство криминальной полиции или даже на начальника УВД, требуя, чтобы раскрытием убийства занимались самые лучшие сотрудники. Глядишь – и следователя заменят.

– Кто? – коротко спросил майор.

– Твой любимчик, – усмехнулся следователь, – Вадик Хохлов.

Егоров мысленно чертыхнулся. Вадик Хохлов – последний, с кем майору хотелось бы работать в одной связке. Как профессионал капитан Хохлов был на высоте, с этим трудно поспорить, и плохим парнем его тоже вряд ли кто-то смог бы назвать: от работы не прятался, от выпивки не уклонялся... Но он не был «своим». Его перетянул в Вербицк Баев, когда полковника назначили на должность начальника городского УВД, и с самого начала все ребята из «убойного» были уверены: Вадик Хохлов – человек Баева, а это автоматически означало, что он стучит на коллег. Вадика избегали, старались не откровенничать с ним, не говорить лишнего в его присутствии. И хотя ни разу вроде бы ни у кого не возникло железного повода заподозрить, что руководство УВД узнало от капитана Хохлова что-то «неправильное», подозрения все равно оставались, и нелюбовь к Вадику тоже.

Виктор вернулся к Алене Аркановой. Кажется, он уже задал ей все необходимые вопросы, но почему-то у него оставалось ощущение, что девушка хочет что-то еще добавить. Хочет – и не решается. Может, она знает что-то важное о своем шеф-редакторе?

Алена стояла с папкой в руках и внимательно читала те самые материалы, которые, по ее словам, только вчера отдала Милановской-Милюковой.

– Что, память девичья? – усмехнулся Егоров. – Свои же материалы – и забыла так быстро? Небось вчера на свидание бегала, вот все и вылетело из головы.

Девушка снова густо покраснела и бросила на оперативника негодующий взгляд.

– Я вчера после работы у мамы в больнице была. А вот знаете... Вы спрашивали, в каком она была настроении... Мила, то есть... В общем, когда она зашла за материалами, то даже улыбнулась, а это редко случается. Она точно не была ни напугана, ни расстроена. И ругалась не очень сильно, хотя и было за что. Я думала, она меня за этот промах по стенке размажет, ну, как обычно бывает, она орет и обзывается. А она ничего... И в какой-то момент мне показалось, что она увидела в тексте что-то интересное.

– Что именно? – насторожился Егоров.

– Не знаю. Просто она уже начала ругаться, выговаривать мне и вдруг замолчала, сказала, что сама разберется, и даже похвалила под конец, сказала, что я молодец. И я хочу найти это место, чтобы понять...

– И как? Нашла?

– Нет, – призналась Алена.

– А что за промах-то? – поинтересовался майор. – За что Милюкова на тебя ругалась?

Оказалось, что старший редактор Арканова упустила неувязочку с датами и биографией кандидата в мэры Горчевского. Только и всего... Опять мимо.

Капитан Хохлов вошел уверенно, и была во всем его облике такая напористость, что у неподготовленного человека непременно должно возникнуть ощущение, что вот теперь все пойдет как надо и закончится успехом. Появление Хохлова прошло незамеченным только для Алены, которая уселась за стол и продолжала что-то выискивать в материалах.

– У кого ключи от кабинета Милюковой? – спросил Вадим, едва поздоровавшись.

– У меня, – ответил следователь, – мы же изъяли с места обнаружения трупа, они в сумочке были.

– Хорошо, тогда давайте приступать, – скомандовал Хохлов.

Следователь бросил на Егорова выразительный взгляд, мол, видал, как теперь опера распоряжаются в присутствии следователей? Капитан, совершенно очевидно, искренне полагал, что он здесь главный. По закону главным был, конечно, следователь, а вот по российскому менталитету – тот, кто является «человеком начальства». То есть именно капитан Хохлов.

– Учись, Мишаня, как надо себя подавать, – шепнул Егоров своему юному напарнику, – научишься – тебя из района в город переведут, будешь со мной в одном отделе работать, а там, глядишь, и в начальники выбьешься. Вот Милюкова сумела себя подать – и в отдельном кабинетике сидела, в то время

как все остальные редакторы в одной общей комнате толклись.

– Так вот ее и убили, – таким же шепотом ответил Резвых, – а все остальные зато живы.

– Тоже верно, – хмыкнул майор. – Чем ты незаметнее, тем больше шансов на выживание.

Прихватив в коридоре парочку понятых, трое оперативников и следователь открыли кабинет, в котором еще вчера работала погибшая Камилла Теодоровна Милюкова, она же Мила Милановская. Кабинет был поистине крошечным, но все равно это был отдельный кабинет – штука статусная. Кроме рабочего стола с компьютером и кресла с высокой спинкой, на небольшом пространстве уместился только стеллаж с папками и один «стул для посетителя». Находиться здесь вшестером (если считать и понятых) не было просто никакой возможности. Следователь решительно отодвинул открывшего дверь и остановившегося на пороге Вадима Хохлова, протиснулся в комнату, тут же уселся за стол и открыл портфель.

– Я буду протокол писать, – заявил он, – кто-нибудь пусть работает, остальные – будьте любезны, стойте в дверях и не мешайте.

Работать, то есть обыскивать помещение, вызвался, разумеется, Хохлов. Начали, как и положено, со стола: сначала то, что лежит сверху, потом содержимое ящиков. Вадим молча перебирал документы, читал их и откладывал, следователь, не торопясь, сперва вынес постановление о проведении обыска, затем начал заполнять шапку протокола.

На столе ничего достойного внимания не обнаружили. А вот в одном из ящиков их ждала неожиданная находка – два вскрытых конверта без адресов, два письма с угрозами, из которых вполне однозначно следовало, что Милановской предлагали деньги за включение в программу с Алексеем Новаком, автором одного из двух проектов трассы, материалов, компрометирующих проект. Отправитель письма хотел, чтобы во время беседы с проектировщиком «южного» варианта прокладки трассы прозвучали либо записанные заранее интервью со специалистами, либо вопросы из зала, которые ясно дадут понять: дорога через звероферму, то есть «северный» вариант, лучше для всех и выгоднее, потому что она короче и будет пролегать по менее сложной

местности, то есть потребует меньших затрат, а «южный» вариант, более сложный и дорогостоящий, проектируют и пытаются протолкнуть только для того, чтобы «эта банда воров во главе с мэром Смелковым смогла получить из бюджета больше денег и «распилить» их».

Это было уже кое-что! Пока Вадим Хохлов исследовал содержимое папки «Новак, эфир 17.07.2014», Егоров и Миша Резвых кинулись снова отлавливать и опрашивать редакторов программы. Все в один голос уверяли, что Милюкова никому не поручала организовать ни интервью, ни реплики из зала. И если все эти люди говорили правду, то выходило, что Камилла Теодоровна угроз не испугалась и на поводу у шантажистов, сторонников «северного» варианта, идти не захотела. Правда, до эфира еще два дня, и, возможно, она все-таки намеревалась сделать то, что от нее требовали и за что предлагали деньги, ведь за два дня можно много всего успеть. Но тогда почему ее убили? Потому что она ясно дала понять, что отказывается и на попятный не пойдет? Или она все-таки сделала все, что нужно, сделала сама, не прибегая к помощи сотрудников, никого не поставив в известность, и тогда получается, что ее убили сторонники как раз «южного» варианта, каким-то образом узнавшие о том, что готовится атака на общественное мнение, и испугавшиеся. Звучало все это совершенно бредово, потому что крайне маловероятно, чтобы могущественные и богатые люди, люди со связями и деньгами, испугались какого-то ток-шоу, которое смотрят домохозяйки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandra-marinina/kazn-bez-zlogo-umysla-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)